УДК 821.161.2(477) ББК 84(4Укр) 6-5 В 26

Виктор Вежнин. Я привязан к двум березам. Стихи. - Днепропетровск: издательство «Свидлер А.Л.», 2012. - 216 с.

Опубликовать свои стихи и фотографии было заветной мечтой Виктора Петровича Вежнина. К сожалению, при жизни он не успел это осуществить. Поэтому я, его жена Линда Вежнина, решила исполнить свой долг и при участии детей, родственников, родных и близких Виктора издала настоящий сборник. Надеюсь, эти страницы раскроют перед читателем светлую и добрую душу автора.

16.07.2013 год.

ISBN 978-617-627-054-6
© Виктор Вежнин

К ЧИТАТЕЛЮ

ПАМЯТИ МУЖА ПОСВЯЩАЕТСЯ

Виктор Вежнин был человеком талантливым, разносторонним, тонко чувствовавшим природу и людей.

Родился Виктор Петрович 3 сентября 1945 года в маленькой деревушке Ивановской области. Отслужил армию, закончил строительный институт, женился, работал, растил детей.

Стихи Виктор начал писать ещё в 1959 году. Переехав в 1990 году с семьей в Германию, автор доверял строкам душевные переживания и сложности первых лет эмиграции. В этот период он увлекся вольным переводом стихов немецкого поэта Евгения Рота (Eugen Roth), которые представлены в книге. Более шести лет автор работал над поэмой „Охота“, так же вынесенной на суд читателя.

Так сложилось, что на протяжении всей жизни Виктор Вежнин строил дома, писал стихи и фотографировал. Будь то так любимый им суровый северный край, Сыктывкар или уголки Германии, везде неизменно проявлялся его дар увидеть то единственное и неповторимое мгновение. Некоторые фотографии автора были отмечены на различных конкурсах и напечатаны в российских газетах и журналах.

Фотографии, представленные в книге, были сделаны автором в разные годы его жизни

Виктор был прекрасным мужем, отцом, другом. Любил домашний уют, близких и друзей. Гордился детьми, души не чаял во внуках.

Через всю свою жизнь он пронес любовь и тоску по родному краю. Природа одарила автора талантом воплощать чувства в строках и мгновениях.

Подобно догорающей свече, 24 февраля 2013 года Виктор Петрович Вежнин ушел из жизни, оставив нам светлую о себе память в стихах, фотографиях и счастливых мгновениях общения с ним.

Сердечно благодарю всех, кто помогал мне в составлении и издании этого сборника.

СОДЕРЖАНИЕ

Ни бор, ни река, ни цепочки озёр
Где же ты
Я привязан к двум берёзам
Мы забудем всё, наверно
То утро всё же наступило
Не изведать тайны кухни
Пожеланья на дорогу.
Разом лопнули все струны
Частушка
Не дразните меня оттуда
Я не стану поэтом
Может быть, мне это только снится
Я гляжу на тебя по ночам
Я - на самом западе
И, была - не была
Как бы до того не жили мы
Письмо
А на севере белые ночи
Татуировка
С тёмным кожаным стёршимся боком...
Оптический обман. (Перевод)
Как ты там поживаешь, дача
На истоптанный тёмный пол
Я бы заново „сплёл»
Сегодня, кажется, открытие охоты

Foto

Технарь я , а не литератор,
Бог лоб звездой не увенчал...
Внутри лишь только виновато
биенья рифмы ощущал.

Сейчас, стыдясь прогулов будто,
в чужих ухоженных краях
"леплю" те рифмы, словно будки
для оБогрева, второпях.

Автобиография

1990

Ни бор, ни река, ни цепочки озёр...
Где же ты...
Я привязан к двум берёзам...
Мы забудем всё, наверно...
То утро всё же наступило...
Не изведать тайны кухни...
Пожеланья на дорогу...
Разом лопнули все струны...
Частушка

1991

Не дразните меня оттуда...
Я не стану поэтом...
Может быть, мне это только снится...
Я гляжу на тебя по ночам...
Я попал в статистику
Я - на самом западе.
И, была - не была...
Как бы до того не жили мы...
Письмо.
А на севере белые ночи...
Татуировка.
С тёмным кожаным стёршимся боком...
Оптический обман. (Перевод)
Как ты там поживаешь, дача...
На истоптанный тёмный пол...
Я бы заново „сплёл"...
Сегодня, кажется, открытие охоты...

1992

Две строки короткой телеграммой...
А птицы-то, птицы, - что делают...
Упаду на траву...
Уведи меня в даль, уведи...
Ничего от меня не останется...
Готовишься недели две обычно... (Охота 1).
Мне - сорок шесть...
Иду счастливый – мир готов обнять... (Охота 2)
Я был с утра до ночи „враскатуху“...
Сказали: от тоски и ностальгии...
Взошла луна в который раз...
К примеру, скажем, он родился немцем...
Ты, знаешь, Коля...

Сыграй мне что-нибудь, пацан...
Ну, где же вы, языческие Боги...
А луна (сколько света)...
Работа есть и есть зарплата...
Я „гнал“ сначала каждый час...
Петляет Вычегда – курьи да повороты... (Охота 3).

1993

Я пока ещё не бросил якоря...
Проходит жизнь...
Меня доводят до ума...
Песок, кусты, размытое кострище... (Охота 4)
В который раз беру свои блокноты...
Прошедший день забит как будто пломбой...
Каждый день несёт одно - усталость...
Счастливый человек ты, Саш...
Расскажи мне вновь про буровые...
Я - привыкаю и, глядишь, привыкну...
Я прошу Вас – со мною не спорте...

1994

И был бы мир немножечко поуже... (Охота 5).
Мы, ведь, никуда не уезжали...
Нет новых песен про запас...
Не кончается урок...
Я б сотни написал стихов...
беру всё выше рубежи...
Родной-то воздух, что напиток...
Что мне нужно - я знаю сам...
Дождик льёт на луга и поля...
Скатился день в другую половину... (Охота 6).
Кусками хлеба проскочили...
Напрасные муки. (Перевод).
Опять дорожные портки...
Когда внутри дьячки поют...

1995

Покупки. (Перевод)
Умственный труд. (Перевод)
Где ты бегаешь, мальчишка...
Удивительный доктор. Предисловие. (Перевод)
Ода врачеванию. (Перевод)
Врачи 1. (Перевод)
Шестьдесят четвёртый.
Врачи 2. (Перевод)
Мясорубка.
Ворона.
Под надзором. (Перевод)
Неудача. (Перевод)
Врачи 3. (Перевод)
Не замажешь память йодом...
И тянутся те краткие мгновенья... (Охота 7)
Охотничья зорька. (Охота. Отступление 1)
Река. (Охота. Отступление 2)
боря Федюшкин.
Генка Питинин.
Петляет Вычегда – курьи, да повороты... (Охота 8)
Искусство. (Перевод)
Ненужные новости. (Перевод)
Предложение. (Перевод)
Зубной врач. (Перевод)
Однозначное решение. (Перевод)
Гомеопатия. (Перевод)
Новые методы. (Перевод)
Апендицит. (Перевод)
Домашняя аптечка. (Перевод)
Гуси.

1996 год

Я плохо помню Воркуту...
Тропа в беломошнике.
было время...
это я что ли...
Р.б. в день рождения.
Дополнение, написанное на другой день.
было время: сел в «Прогресс»...
У природы простые законы...
Пляж Каталонии тянется...
Граничный случай. (Перевод)
Вкус жизни. (Перевод)

Уловка. (Перевод)
12 апреля.
Насморк. (Перевод)
Портретик.
Надежды. (Перевод)
Маленькая неувязка. (Перевод)
Знаток. (Перевод)
Тянет Север.
Телепатия. (Перевод)
Препятствия. (Перевод)
Ответ. (Перевод)
И вновь на улице темно...
Утки. (Охота. Отступление 3)
Коротко о главном.
Пессимист. (Перевод)
Неравная борьба. (Перевод)
Для моралистов. (Перевод)
Слабый желудок. (Перевод)
Лесная прогулка. (Перевод)
Печь. (Перевод)
До чего же ты не ухоженный..
За пятьдесят...
Листья с веток уже облетали...
Осторожно. (Перевод)
Всегда некстати. (Перевод)
Портретик.

1997

Глотаю липкую слюну...
Технарь я, а не литератор...
Когда контакт - аурой об ауру...
Местный анекдот.
Уж возраст давит тупо...
Порядок. (перевод)
Чтоб рифма была очень точная...
Мы всё разделяли на ясные вещи...
Тыкают клавиши пальчиками...
Прогресс. (перевод)
Лестница жизни. (перевод)
Стоят (мыслишки теребя)...
Слава Михайличенко.
Портретик.
Под занавес года.
1998

Минуло Рождество...
Становится невыносимо...

1999

И увижу я опять...
Будто облако дождик пошлёт...

2000

Дело было на охоте

* * *

Ни бор, ни река, ни цепочки озёр

Ни бор, ни река, ни цепочки озёр
не дарят покоя, не радуют взор.
Ни ток глухаря, ни утиный полёт
не манит в леса, на зарю не зовёт.
А жёлтые пряди осенних берёз
лишь давят на сердце до боли, до слёз.
Всё вырвал судьбы расколовшийся ствол.
Куда же теперь мне? К чему ж я пришёл?

Сентябрь, 1990.
Сыктывкар.

* * *

Где же ты

Где же ты? Уходит время,
как песок сквозь пальцы рук,
а на сердце давит бремя –
тяжкий груз душевных мук.

Не молчи, скажи хоть слово,
чуть облегчи эту боль,
потому, что утро снова
будет в рану сыпать соль.

Здесь тебя уже не будет –
хоть кричи, хоть волком вой...
беспощадно время студит
след, оставленный тобой.

бесконечно ожиданье,
нет надежды на успех...
За какой просчёт – страданья,
за какой не смытый грех?

Отзовись во тьме разлуки,
напиши, а я прочту...
Ничего... Лишь ветра руки
Гладят молча пустоту.

Сентябрь. 1990.
Сыктывкар.

* * *

Я привязан к двум берёзам

Я привязан к двум берёзам,
что, нагнувшись, напряглись:
тянут, рвут, от боли - слёзы,
но - терпи, сквозь стон - держись.

Тянут сильно - всё больнее.
бьётся плоть и кровь моя:
та, что родина - правее,
ну, а левая - твоя.

Разорвут, ведь, - сил не хватит,
не сдержать, не снять оков.
(Казнь была такая, кстати
для своих и для врагов)

Кто ж влечёт меня сильнее -
не пойму, не разберусь:
вроде ты - ну, что левее,
или та, что справа, - Русь.

И ни та, и ни другая
не хотят меня казнить;
я же, рок свой проклиная,
их хочу соединить...

Тщетны муки - я бессилен
(здесь и сила не нужна).
Отпусти меня Россия!
Разорви кольцо жена!

Да они – "деревья" эти -
и не думали держать.
Просто нужно им, поверьте,
хоть с "берёсты" вон - но встать!

Распрямиться, разогнуться,
разом вериги сорвать,
отряхнуться, оглянуться
и сначала всё начать.

Цепь замкнулась. В круге дивном
я отчаянно молюсь -
вместе с каждой, неразрывно,
разорвавшись, - вознесусь...

Сентябрь, 1990.
Сыктывкар.

* * *

Мы забудем всё, наверно

Мы забудем всё, наверно:
скоро, долго ли - как знать?
Отобьётся на конвертах
судеб круглая печать.

боль утихнет - время лечит
медленным движеньем звёзд,
поглощая в круге вечном
крики душ, потоки слёз.

В том, четвёртом измереньи,
всё растает без следа:
горе, радости, страданья,
дней прожитых череда.

Рухнут камнем в речку Лету,
скинутся, как лишний вес,
и любви пьянящий ветер,
и ночная А.Т.С.

На дорогах вне пространства
сбросим памяти листки.
Схватит ветер - разлетятся,
разорвутся на куски.

Те кусочки жизни прежней
повлекутся по волнам -
из-за острова... на стрежень...
к тихим дальним берегам.

Станет легче хоть немного -
можно снова начинать.
Всё проходит, слава Богу,
а про завтра - что ж гадать.

Знать всевышнему угодна
ленты времени игра:
из грядущего - в сегодня,
и, транзитом, - во вчера.

Всё сейчас, как в сеть плетётся, -
жизни связанный узор:
там сольётся - здесь порвётся,
враз утратил - вмиг нашёл.

Только - вдруг ударят громом,
всем законам вопреки,
в сердце - болью, в горло - комом,
те листки из той реки.

И, морщинами отметив,
грохнет беспощадный пресс -
той любви пьянящий ветер,
та ночная А.Т.С.

Сентябрь, 1990.
Сыктывкар.

* * *

То утро всё же наступило

То утро всё же наступило -
пробилось время через ночь,
полжизни будто отрубило
и мигом полетело прочь.

Назло законам мирозданья
не Бог, а просто человек,
нечеловеческим желаньем
хотел унять его разбег.

Но ночь прошла, всё миновало,
в последнем всплеске страсти - боль,
а стрелка виновато встала
к началу счёта, в круглый ноль.

И, трещину судьбы расширив,
на грани сна и суеты,
в застывшей и пустой квартире,
присели молча я и ты,

Что думал каждый - Бог свидетель,
но вряд ли доведётся нам
понять, какой жестокой плетью
мир расхлестнуло пополам.

Сентябрь, 1990.
Сыктывкар

* * *

Не изведать тайны кухни

Не изведать тайны кухни,
где готовятся пути.
Жутко в бездну мысли рухнуть -
лучше пробовать идти.

Изначально неизбежный,
впрок придуманный закон,
рассекает жизнь как прежде,
этот чёртов Рубикон.

Манит в дальние дороги
призрачных надежд рука -
словно узника в остроге
дразнят волей облака.

Те дороги все известны
на страницах бытия,
проторёны повсеместно,
а у каждого - своя.

Где она среди равнины?
Не осилив - не найти...
Счёт провалам и вершинам
виден лишь в конце пути.

И не вырваться с маршрута,
хоть назад беги, хоть стой,
хоть тройным узлом запутай -
он всегда и всюду твой.

Выбор сделан. Жебий брошен.
Знак судьбы опять влечёт...
Может это лишь оплошность,
может - роковой просчёт.

Станет тошно в изобильи
и от сервиса - хоть в крик,
и запишет "nostalgia"
переломанный язык.

Розовый туман накинет
на былое мысли взгляд:
грусть берёз, мороза иней
и родимый русский мат.

Октябрь, 1990.
Сыктывкар

* * *

Пожеланья на дорогу

Пожеланья на дорогу,
вещи, сборы, чемодан...
У прощального порога
без вина и водки пьян.

Весь истрёпанный как лоскут,
жизнью загнанный в тупик,
я хочу "надраться в доску"
и забыться хоть на миг.

Оглушиться в пьяном вопле,
в сладких грёзах утонуть
и, размазывая сопли,
обреветься и уснуть.

И проснуться не в постели,
а в таёжной глубине,
чтобы сумрачные ели
остудили бьющий нерв.

Там, среди болот и суши,
леший в круге закружи
и закрученную душу
раскрути и освежи.

Заведи в глухие дали,
где в преддверии зари,
на неведомом квартале,
песни точат глухари.

Проведи по чащам тёмным
и на кочках утоми,
а на грани перелома
силы юности верни...

Но проснусь - и всё как прежде:
кружка чая, "Беломор"...
Как соломинка надежда,
словно плаха приговор.

Беспощадно и привычно
жизнь влечёт судьбы наклон
и последний пограничник
провожает за кордон.

Под крыло ушла Россия -
ни столбов и ни ворот,
и безмолвно отпустила
и меня, и самолёт.

Ноябрь, 1990.
Сыктывкар – Щёнберг.

* * *

Разом лопнули все струны

Разом лопнули все струны,
словно их черёд настал,
и – последним звуком лязгнув -
мир схватила пустота.

Ноябрь, 1990.
Нойсс.

* * *

Частушка

Пой гармоника в саду –
голосочек звонкий.
Знать бы, что здесь упаду,
я б тогда – соломки!

Ноябрь, 1990.
Нойсс.

* * *

Не дразните меня оттуда,
не будите - иначе проснусь,
и охватит зубною простудой
от тоски почерневшая грусть.

Понесло меня круто по свету,
как коня без седла и узды -
знать замкнули на небе планеты
неизбежный рисунок судьбы.

Повернулось незримое дышло,
кнут со свистом по плоти огрел
и такое взвихрение вышло,
о котором и думать не смел.

Одурев от хмельного галопа,
„не в ответ" ту задачу решил
и очнулся в почтенной Европе
из расхлябанной русской глуши.

Из просторов бездонного края,
где корнями и кроною врос,
в блеск огней и витрин полу рая,
я упал, как пришибленный пёс.

Но паденье никак не закончу:
то потоком хлестнёт, то в огонь...
Сквозь дорожный запутанный росчерк
тащит смятая кем - то ладонь.

Взгляд в былое мостом перекинут,
дней минувших искрится краса.
Неужели креста на могилу
не нашлось в твоих дивных лесах.

жизнь идёт беспросветно и нудно,
я за нею с трудом волочусь...
Не дразните меня оттуда,
не будите - иначе проснусь.

Январь, 1991.
Нойсс.

* * *

Я не стану поэтом -
запоздалая блажь,
да ещё жмёт корсетом
не родной антураж.

Стужей зимней и летом
был доволен вполне,
но швырнуло по свету
на четвёртой волне.

Солнца свет притемнился
в переломном году,
Чудотворцу молился:
отведи, мол, беду.

Но молитвы застряли
где-то в звёздной дали
и надежды увяли
в придорожной пыли.

В перевёрнутом мире
дивный выход нашёл
и к таинственной лире,
спотыкаясь, пошёл.

Удивляться тут впору
разноликой судьбе:
я искал лишь опору -
встретил „горный хребет"!

Сколько молодость может
понимаешь потом...
Дай мне силы, о, Боже,
в схватках с чистым листом!

Временами как нищий
подбираю слова,
но отдушину ищет
в тех трудах голова.

Штампы грудами давят
свежей мысли росток...
Жизнь равняет с годами
всё, как серый песок.

И, конечно, корсетом
жмёт чужой антураж...
Всё другое поэтому -
запоздалая блажь.

Январь, 1991.
Нойсс.

* * *

Может быть, мне это только снится,
что покинул я родимый дом,
и Россию в буднях разнолицых,
и деревню с маленьким прудом.

Неужель оставил я озёра,
шум тайги, багульника угар
и, с таким названьем трудным город,
что не сразу скажешь: Сыктывкар?

По больному месту, как по нерву,
всё цепляет (и не уберечь):
то ослепит белой ночью север,
то почудится в толпе родная речь.

Видно, всё ж, мосты сгорели напрочь;
лишь в туннеле памяти, гремя,
„поезда везут" и днём и ночью,
прошлым полные „составы" для меня.

Эти грузы тащат камнем в омут -
тот успел ехидно полоснуть,
что в обычном сумасшедшем доме
оборву я свой волнистый путь.

Быть, не быть - там просто не бывает,
нет озёр и сена на лугу,
и река должно быть не петляет,
не горит костёр на берегу...

Быть не может - это только снится!
Дома я и город мой кругом,
и Россия в буднях разнолицых
и деревня с маленьким прудом.

Февраль, 1991.
Нойсс.

* * *

Я гляжу на тебя по ночам:
ты призывно и прежде светила,
в бездны чёрные блеском манила;
тишиною твой голос звучал...
Я гляжу на тебя по ночам.

Ты призывно и прежде светила,
только мир был немного иной
в стоге сена, ночной тишиной,
меня звёздная россыпь укрыла.
Ты призывно и прежде светила,

в бездны чёрные блеском манила;
будто рядом, сверкал Млечный путь
и хотелось на небо шагнуть,
где была твоя тайна и сила.
В бездны чёрные блеском манила.

Тишиною твой голос звучал;
рядом спали и лес и озёра,
время бег свой замедлило скорый,
всё смешав - ни концов, ни начал...
Тишиною твой голос звучал.

Я гляжу на тебя по ночам,
только чаще вверху почему-то
небо кроется серою мутью.
Всё равно, как на дальний причал,
я гляжу на тебя по ночам.

Март, 1991.
Нойсс.

* * *

Я на самом западе
Германии...
Господи,
ужели то не сон?
Рядом где-то
Бельгия с Голландией,
а в душе
звериный волчий стон.

Эти земли
разве на „экране"
мог я
издалёка увидать...
И погода в марте,
как ни странно,
не погода -
просто благодать:

нет снегов,
для времени обычных,
не кипит
весенняя вода;
всё понятно,
только непривычно -
занесла ж нелёгкая
сюда!

Где прожил полжизни -
вроде не жил,
где живу -
не скажет даже стих.
Тут чужой
без капельки надежды,
дома, там, -
чужой среди своих.

Жизнь - не жизнь :
какая-то химера
и проходит
где-то стороной;
Слову и вещам -
другая мера,
и без меры-
холод ледяной.

Он швыряет в душу
шквал за шквалом,
и она,
дрожа от холодов,
прячется под
тонким покрывалом,
сотканным из
прожитых годов.

Мало хочется,
но даже те желанья
бьются вдребезги -
сплошной стеклянный
звон...
Я - на самом западе
Германии,
а в душе -
звериный волчий
стон.

Март, 1991.
Мёнхенгладбах.

* * *

И, была - не была,
как всегда, так и ныне,
закуси удила,
зацепись в середине.

Закуси удила,
чтоб до крови, до боли,
раз она пролегла
по зелёному полю.

Раз она пролегла
по морям и по сушам,
по небесным углам
и растерянным душам.

По небесным углам,
от небесного круга -
всё теперь пополам,
даже зимняя вьюга.

Всё теперь пополам -
лишь в узлах туже стало
и понятней слова:
„всё, что с воза упало..."

И понятней слова,
да не хочется верить,
что уже не стена,
а закрытые двери.

Что уже не стена -
с нею было бы проще -
ухмыльнулась луна
над берёзовой рощей.

Ухмыльнулась луна
и укрылась за тучу.
Эта туча без дна -
переменчивый случай.

Эта туча без дна
утащила с собою -
ни стакана вина,
а, почти, алкоголик.

Ни стакана вина
и качает не ветер...
но, была - не была,
губы рвут удила...
и она пролегла -
всё равно пролегла...
Всё равно...
борозда...
на планете.

Май, 1991.
Мёнхенгладбах.

* * *

Как бы до того
не жили мы -
праведники, грешники,
таланты,-
словно пена
от морской волны,
мы сейчас всего лишь
эмигранты.

Всяк по-своему
пришёл сюда -
кто ломился,
а кого - насильно...
В этой „каше"
радость и беда
солью слёз
замешана обильно.

Под запретом
виделся мираж,
ожиданье
разжигало грёзы;
ну, а здесь, естественно,
пассаж,
да такой,
что вышибает слёзы.

Что мы знали
в простоте своей,
прошмыгнув
под занавес железный?
Вот он - я,
хватай меня скорей,
я приехал -
будьте, уж, любезны!

Сколько лет -
соскучились, поди?
ждали
сушей, воздухом и морем...
хоть пляши,
хоть в обморок пади -
здесь теперь я,
тут, ядрена корень!

Где же всё,
чем Запад ваш Богат -
весь горю
желанием законным?
Надоел
талонный суррогат -
угощай меня
„Наполеоном"!

Принимай меня
во всей красе,
я -
почти явление Господне!
(Извинюсь попутно:
ведь не все
так вот рассуждали
до сегодня.)

Врать не стоит -
встретят хорошо,
даже - больше чем...,
но и без звона:
сходу - на „конвейер"
и - пошёл!
в жёстких рамках
буквы и закона.

Прояснится
розовый туман,
раз-другой
„костяшкой" щёлкнет рынок...
Нет, конечно,
это не обман,
но не вечный бал
и не смотрины.

Слепишь жизнь
твореньем рук своих;
всё - с нуля
(уж, у кого как выйдет).
Может,
здесь не „пашут" за двоих,
но за одного -
обязан выдать.

Не в почёте
здесь родной кураж,
„хата с краю" -
тоже не подходит.
Захрустит
прославленный типаж,
ну, и всё такое-
в этом роде.

Всяко сложится -
ведь, разные все мы:
кто - в хандру,
а кто сверкнёт талантом.
Только, всё ж,
мы - пена от волны;
что с нас взять -
мы просто эмигранты.

Будем жизнь
напополам делить -
каждый по себе
нарежет квоты:
первой -
по ушедшему скоблить,
а другой, оставшейся,
работать.

Пусть мы не знакомы,
но узлом
результат связал нас -
не причины:
мы прошли
сквозь жизненный разлом,
мы своё - по счёту -
получили.

Март - май, 1991.
Мёнхенгладбах.

* * *

Сегодня май,
четвёртое число;
погода мерзкая:
туман, дожди, прохлада.
Недавно даже
снегом понесло -
немного странно,
ну, а может, так и надо.
Творится на планете
чёрти что:
зимой - теплынь,
а летом - непогода.
Всевышний что ли
предъявляет счёт
Земле -
для непутёвого народа?...
Как там у вас?
(Уж про себя молчу -
по сердцу русскому
лишь русские порядки.
Сказать, что просто
я домой хочу,
сказать не всё -
удрал бы без оглядки!)
И, всё таки,
как ваши-то дела?
Какие новые
творятся „увертюры"?
Про „рынок" забастовок
слышал я,
про цены, происки
и что-то про купюры.

Шуршат, шуршат
листки в календаре -
фанфары скоро
известят Победу.
Сейчас бы - с поезда,
на утренней заре...
Но есть дела
и вряд ли, уж, приеду.

Не для того,
чтоб грели мысли плоть,
сто грамм
за победителей „накину"
и горечь зажую
тем, что Господь
послал стране,
восставшей из руины.
Обычно,
в этот день стоит жара -
природа греет нас
сердцами павших;
они победу
брали „на ура"
за светлые останки
настоящего...
У вас, поди,
и снег растаял весь,
и сок берёзовый
уже на дачах пили,
наряд зелёный
примеряет лес...
Да, кстати, -
а охоту-то открыли?
Ах, эта свежесть
майского утра,
дымок у озера,
тепло, немного сыро...
И, знаете,
ночь у того костра
мне ближе здешнего
ухоженного мира...

Кончаю - поздно, уж.
Чуть „сбросил пар и дым";
глухая ночь,
исчез с экрана диктор.
Привет большой
знакомым и родным,
здоровья крепкого
и прочего.
Ваш Виктор.

Май, 1991.
Мёнхенгладбах.

* * *

А на севере белые ночи...
Полных двадцать четыре часа
ни за горы, ни за леса
солнце прятать себя не хочет.
А на севере белые ночи...

Из сугробов, теплом растленных,
снег зимы не уходит прочь:
влагой он наполняет землю,
небесам дарит светлую ночь.

Крик грачей разбудил природу,
лёд ушёл от крутых берегов
и река разливает воду
по тарелкам и чашкам лугов.

Синеву разрезая клином
бесконечных своих одиссей,
над речным и таёжным разливом
тянут к северу стаи гусей.

Близок мне их инстинкт животный
лишь одной половиной из двух:
что на север - всегда и охотно,
а обратно - ни сном, ни на дух.

Дайте крылья моей половины,
помогите в далёкий край
улететь по дороге синей,
хоть вполглаз поглядеть на май.

Отыщу я у кромки воды
костерок, что горел когда-то,-
он оставил свои следы
в прошлогодней траве примятой.

Я зажгу его, сяду под куст,
только чувствам отдав свободу,
молча слушая шелест и хруст,
загляжусь на огонь и воду.

На дороги смотреть не хочу -
не люблю их раскинутый веер.
По одной только мыслью лечу,
той, которая прямо на север.

А на севере белые ночи...
Полных двадцать четыре часа...

Май, 1991.
Мёнхенгладбах.

* * *

Н.Т-ву.

Нам до конца носить с собой
рисунком однотонно-синим,
в душе, проколотой судьбой,
наколку с именем Россия.

Россия, синь и отчий дом
по мне б рожденья - до погоста,
да жизнь мотается клубком
прощаний, встреч и перекрёстков.

Дороги русской маета
известна, как собор в Париже,
но каждая её верста,
ей-Богу, автобана ближе.

В него вопрешься по нужде
и понесёт, как ветром птицу :
один конец незнамо где,
другой - отрезан у границы.

Куда-то краски пропадут,
померкнут за мгновенье ока,
лишь до синюшного отёка
распухнет ностальгии зуд.

И не отмыть тот цвет небес,
не выкричать охрипшей глоткой,
не размочить, хоть в горло влезь,
бутылки с импортною водкой.

Лишь отмотав бессрочный срок,
клубок распустится верёвкой;
и, как последний узелок,
зажмёт петлю татуировка.

Июнь, 1991. - май, 1992.
Мёнхенгладбах.

* * *

С тёмным кожаным
стёршимся боком
в самом дальнем
укромном углу,
ты, забытый,
стоишь одиноко,
верный лишь
одному ремеслу.

Впрок придуман
людскою нуждою
и, почти что,
с рождения дан;
но не ты
виноват в том „раскрое"-
верный спутник дорог -
чемодан.

Всю твою
суетливую сущность
ненавидел я,
знал бы ты - как!
Мне другое
намного лучше:
лес, тропа,
да простой рюкзак.

Всё же честно
признать хочу я:
были дни -
заодно с тобой,
ни себя,
ни земли не чуя,
как на крыльях,
летел я домой!

Вспомни -
старый мосток деревянный
(я пацан был,
а ты - с портфель),
мы шагали:
ты - лёгкий,
как пьяный - я,
распахнув напоследок
шинель.

А потом
ты всё рос, раздавался,
и с собратьями
разных мастей
по дорогам
со мною катался
с грудой нужных
и прочих вещей.

И в тот год,
что судьбу „проутюжил",
ты опять
своё чрево разъял,
но, оставив
весь мир снаружи,
лишь пожитки
обычные взял.

Даже был бы ты
весь из резины,
всё ж никак
увезти не смог:
беломошник,
речные стремнины,
шум тайги,
глухариный ток.

Наконец -
можешь створки захлопнуть,
от замков и ремней
отдохнуть:
ведь втащило нас
в эту Европу
без билета
в обратный путь.

Но с тобой поделюсь
(с кем же кроме)-
старый чёрт,
хочешь верь, хочешь - нет,
что храню я
в твоём объёме,
как спасенье,
не взятый билет.

Он незримым флюидом
витает,
но, среди
человечьих обуз,
всё ж на чашках весов
равняет,
мне отстёгнутый,
тяжкий груз.

Постарайся,
храни его дольше -
понимаю,
что вечного нет.
Всё ж - не меньше
(не нужно и больше)
свыше сброшенных
Господом лет.

А когда я свой час
почую
перед гранью,
где нет ничего,
я в тебя
этот стих запакую
и отправлю
бродить одного.

Июнь, 1991.
Мёнхенгладбах.

* * *

Оптический обман.

Мужчина с женщиной сидят,
Он - молчалив, печален взгляд.
Его любовь горит огнём -
Она ж страдает не о нём.

Прохожий мимо них идёт
И думает, как счастлив тот,
Кто может - ах, мираж обманный -
Витать в хмельном любви дурмане.

Мужчина, что сидит в тоске,
Вздохнул ему печально вслед,
Подумав,- счастлив был бы тоже
Совсем один, как тот прохожий.

Нас, грешных, часто мысли мучают,
Что у других всё в жизни лучше.

Июль, 1991.
Мёнхенгладбах.

* * *

Как ты там поживаешь, дача,
рядом с кромкой лесной полосы?
Ты пришли мне письмом, наудачу,
запах зелени, свежесть росы.

Буду очень тебе благодарен -
ты пришли и пустынный зной,
этот полдень - горячий, распаренный,-
шевельнётся прохладной струёй.

На бегу я с тобой попрощался,
чуть тряхнув напоследок замок,-
мир привычный как с цепи сорвался,
вылетая с землёй из-под ног.

Чуть притихло сейчас. Вдаль и вниз
не качусь, как по скользкой крыше,-
будто шарик в пространстве повис
над потерянной жизненной нишей.

Не упасть - нет опоры ни в чём,
ни укрыться в зелёной траве...
Жизнь, как прежде, не бьёт ключом
по усталой пустой голове.

Ни сейчас, ни потом не сложится:
не хочу, не могу - хоть убей...
А тебе как живётся и можется?
Что с водою, как с тягой в трубе?

То ли в руку неясные сны,
то ли мимо её и вскользь...
Мне бы в баньке твоей, у сосны,
жаром выпарить всё, что сбылось.

А потом - лишь рассыплется солнце
в каплях утренней свежей росы -
посидеть на скамье, у колодца,
рядом с кромкой лесной полосы.

Август, 1991.
Менхенгладбах.

* * *

На истоптанный тёмный пол
машинально окурок бросил:
вот и всё - я обратно пришёл
в мир, похожий на хмурую осень.

А на сердце весна, тепло,
снова всё оживёт и оттает.
Даже грязный буфетный стол
жирной радужной плёнкой сияет.

Пусть мне завтрак метнули как кость
и уборщица пусть угрюмо
мокрой тряпкой „заехала" вскользь
по кроссовкам с наклейкой Puma.

Пусть толкнули под бок в дверях,
обругали за что-то грязно,
но теперь я в родных краях -
аж за глотку хватают спазмы.

Всё забуду потом, а пока
я ищу кошелёк проклятый,
но готов отплясать трепака
под мелодии русского мата.

Пьяный спит. Для него скамья
и кровать и отхожее место...
Дома, дома, ну, дома же я!
И не верится, если честно...

Оглянулся - исчез вокзал,
что задёрганный мозг лелеет:
я, задумавшись, пнём стоял
на знакомой Berliner Allee.

Сигарета потухла во рту
и, конечно, как все, культурно,
я пошёл, чтоб окурок швырнуть
в ярко-жёлтую чистую урну.

Август, 1991.
Мёнхенгладбах.

* * *

Я бы заново „сплёл"
эту жизнь непонятную,
но в неё бы вошёл
в сентябре сорок пятого.

Место выбрал бы сам,
где родиться намечено,
но стояла бы там
деревушка Мостечное.

Как из детского сна,
город - сказку бы высмотрел,
а прирос бы навек
у излучины Сысолы.

И бродил бы в тайге,
по озёрам и старицам...
Пусть другие края
процветают и старятся.

Я не знаю - куда,
но, ей-Богу б, забросило:
не весною - так летом,
не зимою - так осенью.

Без сомненья скажу,
что не выл бы отчаянно,
раз счастливый билет
мне достался нечаянно.

Всё бы было ОК'ей
и одно лишь невнятное:
как бы снова начать
эту жизнь непонятную?

Август, 1991.
Мёнхенгладбах.

* * *

Сегодня, кажется, открытие охоты...
Как водится: ни пуха, ни пера;
и от тоски, как от похмельной рвоты,
кромсаю память на словесный брак.

Уж не хочу от жизни слишком много:
пусть по реке зашелестит мотор,
потом костёр на берегу пологом
и у огня нехитрый разговор.

С зарёй - дуплеты, часто наудачу:
с подхода, из кустов и из скрадков...
А здесь немножечко всё выглядит иначе -
здесь утки стаями гуляют у домов.

По выходным хожу кормить их хлебом:
„сидит внутри червяк" - его морю;
и вечерами вижу не на небе,
а на стене закатную зарю.

Махнём не глядя! Что с кого убудет!
Подумайте - а я всегда готов:
всю эту „зоопарковую публику"
на стайку пролетающих чирков.

Сейчас я там - в озёрах и в болотах,
где крыльев свист и тучи комара...
Давайте: „За открытие охоты!"
И от души: „Ни пуха, ни пера!"

Август, 1991.
Мёнхенгладбах.

* * *

Две строки короткой телеграммой
зацепились где-то в глубине:
„Улеглась моя былая рана,
пьяный бред не гложет сердце мне...“

Я и от луны и от веселья
равно одинаково далёк:
мне б сейчас туда, где есть метели -
и совсем не тянет на Восток.

В целом я не пил и вряд ли буду,
но знакомы рюмка и предел:
или ткнёшься в грязную посуду,
иль „отмочишь“ то, что не хотел.

Чай люблю и каждый день „гоняю“
(по утрам особенно - аж, в дрожь),
хоть умом, конечно, понимаю:
он - не водка, что с него возьмёшь!

Может он лечебный в Тегеране,
у чайханщика, под синий цвет...
Только у меня другая рана
и другой, но словно пьяный, бред.

За реальностями - полусонный -
всё хочу туда (на кой бы хрен!),
где и чай и водка по талонам,
да ещё за тару, на обмен.

Безнадёжно-русское нет смысла
вылечить любой другой страной -
я навеки в тех краях прописан,
где, как в шутку, говорят на „о“.

Словно джин в бутылке, есть желание.
Выпущу - неси стакан, подлец,
выпьем за долги, за расстояния,
за билет туда - в один конец.

И потом пусть поезд иностранный
увезёт меня сначала в Брест,
а другой - чуть грязный и желанный -
до Москвы и далее - до мест.

Выйду в тишину вокзала раннего,
выдохну слова, что в глубине:
„Улеглась моя былая рана,
пьяный бред не гложет сердце мне“...

Январь, 1992.
Мёнхенгладбах.

* * *

А птицы-то, птицы, что делают,
заливисто так звеня!
И в рощу черёмух белых
заманивают меня.

Ах, солнышко! Мать твою в душу!
К чему ты и здесь, вдалеке,
не хочешь меня послушать
и тянешь в луга и к реке.

Зачем ты встаёшь так рано -
и птицам и мне не до сна!...
Уйти б на восход багряный,
где хлещет водой весна!

Попасть бы в разлапистый ельник,
на воздух душистый как мёд,
в страну хуторов-муравейников,
где старый глухарь живёт.

Шагать по хрустящим сучьям,
как будто куда-то спеша.
Пусть рвётся фуфайка в клочья,
а дыры латает душа!

Апрель, 1992.
Мёнхенгладбах.

* * *

Упаду на траву
и ружьё рядом кину:
пусть вверху только небо,
да куст ивняка,
и ещё переспелые
гроздья рябины,
и гусиные клинья
остриём на закат.

Затеряюсь в лугах,
в шелестящей осоке,
у потухших костров,
на озёрной гряде;
разольюсь днём осенним
на нежарком припёке,
в невесомо - прозрачной
воздушной среде.

Пошевелит слегка
юго-западный ветер -
закачаюсь с травинками
в общей волне,
позабуду про всё,
что бывает на свете,
что сбывается в жизни
и, конечно, во мне.

Сколько раз тут бродил
на охотах осенних,
сколько раз утолял
первобытный азарт,
а сейчас лишь хочу
под багряною сенью
видеть небо и клинья,
что плывут на закат.

Май, 1992.
Мёнхенгладбах.

* * *

Уведи меня в даль, уведи:
по поляне с травой не кошенной,
по аллеям ковров-беломошников.
Задави мне тоску в груди...
Уведи меня в даль, уведи!

На поляне с травой не кошенной
растянулась озёр гряда:
там утиные бродят стада,
влажный ветер осоку ерошит.
На поляне с травой не кошенной.

На аллеях в коврах беломошников
можно, если к восходу идти,
под бугром, у ручья, найти
тот охотничий домик заброшенный.
На аллеях в коврах беломошников

задави мне тоску в груди -
нет лекарства, не выгнали спирта,
чтоб принять, или просто выпить.
Пропиши смесь реки и тайги,
задави мне тоску в груди;

уведи меня в даль, уведи...
Знаю, где-то сидишь внутри,
ну, очнись и глаза протри,
просто так, на ходу, ссади,
уведи меня в даль. Уведи!

Май, 1992.
Мёнхенгладбах.

* * *

Ничего от меня не останется:
может, кучка намученных строк;
может, скажут: „Похоже - был пьяница“,
может - так: „без России не мог“.

Разойдусь по ветвям поколений,
как мой дед (ну, а глубже - тьма).
От, должно быть, таких рассуждений
незаметно сойдёшь с ума.

И к тому это всё, что насильно
не могу задержать в горле крик,-
ведь потомки мои о России,
может статься, узнают из книг.

Кто там? Немцы ли - точно не знаю,
как „распишет“ их новый век,-
скажут, скукой в ответ зевая:
„Russland? Russland...
Там холод и снег,
наши предки оттуда удрали
(то - про нас), но ужасно давно...
мы представим себе едва ли...
ну, медведи... должно быть темно...“

Вот и всё, что туда дотянется
из далёких российских глубин...
Ничего, ничего не останется -
растворится, как в воздухе дым.

Эй, потомки, вы там на месте?
(Scheissegal на число и на год).
Я оставлю вам марок двести -
переводчику, на перевод?...

С тем сижу, как засеянный в пашню,
ковыряю наверх росток...
Что там в завтра и где вчерашнее,
и три дня, что писал листок?

Май, 1992.
Мёнхенгладбах.

* * *

Охота 1.

Готовишься недели две обычно,
а то и больше, но, примерно, так:
компания (одна и та ж - привычней),
ружьё, патроны, выпивка, рюкзак.

Звонки, погода, место... "На моё?"
"Ну, нет, уж!" "Почему?" "Да, помнишь, "лазали"
там года три назад?..." "Но был же лёт!"
"А взяли мало..." "...потому, что "мазали"."

"Пить надо меньше - вы же всё до дна...
"Да, ладно, брось - не хочешь - так и скажем,
что ты не едешь." "А пошёл ты на..."
"хорош, "завязывай"! "Так, всё-таки, куда же?"

"Местечко есть. Его я обнаружил
совсем случайно - целая история!"
Я расскажу ... Так, с виду - это лужа,
а уток было! Уток столько - море!"

"А далеко?" "Сначала - как всегда,
потом – пешком вдоль старицы, чуть срежем
и мы на месте." "Понял. Ерунда.
Ведь там "пасётся" половина Эжвы.

"Ну, ты загнул... Что люди говорят?"
"Ну, как всегда - по прошлогодним лужам..."
"Не хочется: который год подряд
там всё "забито"! Грибники к тому же."

"Да, грибники везде - грибов полно,
хоть косами коси их в эту осень.
"А я на днях достал уже вино.
На вкус - не очень, но за то – "ноль восемь"."

"Какая разница! Там всё идёт подряд -
идёт прекрасно, хоть в дожди, хоть в сухо."
"Мои с субботы в рюкзаке стоят:
три водки, остальное - бормотуха.

"А мне, тут, спирт достал знакомый плотник..."
"...была б погода и во что стрелять!"
"Я вечерком, вчера, зашёл в "Охотник"."
"Патроны есть?" "Есть. Только – "три нуля"."

"Пятёрочки бы пару патронташей..."
"...да, и ещё - приятель мой просил -
скажи шофёру... Как его там?" "Саша."
"...чтоб до субботы две канистры слил."

"Договорились, но не больше бочки."
"Тогда пока, как говорят, пиши."
"Но, всё-таки, куда мы едем точно?"
"Какая разница! По ходу всё решим."

Май, 1992.
Мёнхенгладбах.

* * *

Мне - сорок шесть,
но, всё же, жизнь-учитель,
открой
нагую суть твоих палат...
Я ж „меряю“
то генеральский китель,
то - старенький, истрёпанный
бушлат.

Май, 1992.
Мёнхенгладбах.

* * *

Охота 2.

Идёшь счастливый - мир готов обнять.
Оттуда видишь лишь сочувственные лица.
Им вряд ли суждено тебя понять!
Фуфайка, свитер и жара (под тридцать) -

всё мелочи: отложены дела,
пространство сжато до калибра вертикалки,
граница времени - вечерняя заря,
а остальное - лишь в колёсах палки.

Приятель на углу... "Ну, ты даёшь!
Чего так долго?" "Да с работы еле..."
"Работа, ведь, не волк, едрёна вошь,
и в лес не убежит. А мы хотели

пораньше выехать - хотя бы в два часа.
Чуть опоздаешь - и кругом "забито"."
"Иду, а в магазине - колбаса.
Ну, как пройти!" "Ах, ладно. Всё. Забыто."

"Ребята там, на лодочной?" "Ну, да.
Должно быть сторожа винишком угощают."
"Смотри: наш егерь, с этим, как всегда,
билеты на подходе проверяют."

"Однажды в год, сейчас, его пора."
"Вид неприступный, что мундир снаружи...
"билет?... Путёвку?... Право на оружие?...
Порядок! Всем - ни пуха, ни пера..."

Раздел стихий - особая стихия.
Средь этих лодок, катеров и бон
начальства голос, что дрова сухие,
старинный песен и романсов стон.

И те же лица, те же разговоры,
что прежде (и вперёд на много лет):
"...вода упала...", "...были на озёрах...",
"А где у Вас спасательный жилет?"

"Где техосмотр?... Квитанции?... Оплата?...
Подкрасьте номер... Не ругайтесь зря -
мы Вас не выпустим!" "Кому нужна лопата?“
"Ребят, кто даст подшипник от Вихря?"

"А наши где?" "Да, вон, они. Похоже
уже по кружке "дёрнули" вина..."
"Ну, наконец! Где третий?" "будет позже."
"Что там случилось?" "Как всегда - жена!..."

"Чуть подождём. Такая атмосфера -
один раз в год: полезна, как "Кагор"...
"Привет охотникам! Не видели Валеру?
"За будкой - ремонтирует мотор."

"Так, всё же, мы куда поедем, братцы?
Давайте вниз - там всяко повезёт?"
"В Озёра бы..." "Туда нам не пробраться –
там и "Казанка" нынче не пройдёт."

"бежит мудило!" "Отмахался еле!..."
(Нередко страсть выходит боком нам:
от пересмотра ширины постели,
до конфискации несчастного ружья)

"Теперь - все в сборе, потихоньку тронем.
Я завожу, а ты пока греби..."
"Ребят, не смейтесь - я в шкафу патроны..."
"Чего - патроны?" "... кажется, забыл!"

Май, 1992.
Мёнхенгладбах.

* * *

Я был с утра до ночи „враскатуху“...
Всё к одному: чтоб горе утопить,
чтобы родимым напитаться духом
и всё положенное Родиной допить.

Я в „наших мерках и пошит и скроен“,
а в „половине“ - зов других кровей.
Всё б ничего, да в буднях перестроя
попал в струю слиянья их семей.

И пил в кругу, в предбаннике и в поле;
с зампредом (но при запертых дверях),
один раз, кажется, в какой-то школе,
само собой - в окрестных деревнях.

Отгулы - в дело и туда же отпуск,
и несколько больничных (втихаря).
Сейчас лишь бригадир - свой парень „в доску“ -
„рисует“ мне восьмёрки в табеля.

Тогда уже с едой проблемы были -
нередко только рукавом под нос;
да корешковы жёны воем выли:
„Скорей бы чёрт тебя куда унёс!“

Всем говорил и трезвый и „хороший“:
„Там буду только Мальборо курить,
а с „этим делом“ - завяжу и брошу,
пока ж тащи, что можно будет пить.“

Обещанные письма и посылки,
и к видео в придачу лимузин,
какие-то запчасти для косилки -
всё шло авансом, через магазин.

Я ненавидел дальнюю дорогу,
старался реже вспоминать о ней.
Нет ничего хорошего, ей-Богу,
в развоссоединении семей!

Июнь, 1992.
Мёнхенгладбах.

* * *

Сказали: от тоски и ностальгии
лекарство есть (не надо и в запой)-
оформи отпуск, побывай в России
и всё снимает лучше, чем рукой.

Приедешь, мол, посмотришь на прилавки,
на грязные дороги... Там слова
тебе припасены уже и давки -
по полной форме. Сходу голова

встаёт на место. Собирай манатки
и, не почистив зубы, впопыхах,
бегом до кассы. Там свои порядки -
билеты купишь только лишь за взятки
и, говорят, в валюте - не в рублях.

И выдыхаешь за границей Польши
родимый воздух (что-то вроде „Ой...“),
и говоришь: „Насытился и больше,
ну, года на три, точно, - ни ногой“.

И я хочу и срок уже намечен,
но мой „заряд“, как холостой патрон:
ещё не пробовал лекарство встречи,
а пью уже прощальный самогон.

Июнь, 1992.
Мёнхенгладбах.

* * *

Взошла луна в который раз,
чтоб от заката до рассвета,
уставив одинокий глаз,
смотреть на мутную планету.

Гляди, гляди... Тебе видней
сквозь сотни тысяч километров,
как мы тут топчемся на ней,
или (бывает) против ветра.

Наверно, люди неспроста
вписали в память и в бумаги,
что под тобой все колдовства
творят магистры чёрных магий.

Но это, думаю, враньё -
ведь, свет куда страшней порочен:
плохое замышляют днём,
лишь в дело претворяют ночью.

Другая сторона всегда
есть у медалей и событий...
И, даже, эта ерунда
достала до твоей орбиты.

Конечно, если б ты закон
небесный выполняла строже,
то не имела бы сторон,
и нам бы проще было (может?).

Ну, что ж - пусть будет пополам;
короткой ночью, или длинной,
хочу надеяться, что нам
ты светишь лучшей половиной...

Мечтал слетать к тебе (ей Бог!) -
да, слишком много не хватило.
Теперь лишь изредка, уныло,
гляжу - куда твой выгнут бок.

Июль, 1992.
Мёнхенгладбах.

* * *

К примеру, скажем -
он родился немцем,
живёт здесь дома,
где про всё видней.
А нам как быть
приезжим иноземцам,
разбрызганным
в слияниях семей?

Непросто было
с Родиной расстаться,
непросто
к иноземью привыкать...
Здесь - даже
не успеешь оклематься -
советуют
фамилию менять.

Всё дело,
говорят, в произношеньи
(от наших, может быть,
кривится рот)?!
А это, как-никак,
но, всё ж, решенье -
другое, с Божьей помощью,
придёт.

И тут, уж, сходу,
за своих признают -
простой народ
и даже господа
(а что кафтан
наружу вылезает
из-под костюма -
это ерунда).

И мужики
свои фамилии меняют:
и Иванов,
и Сидор, и Софрон;
взамен от жён
другие получают -
немецкие
(лишь без приставки „von“).

Но немцы -хитрые
(не обойдёшь на сивой -
параграф чтут
от „А“ до буквы „Зет“),
и, всё равно,
на паспорта красиво
прилепят „девичью“
за новенькою вслед.

У них тут всё
„завязано“ железно -
не размотать
компьютерных гужей.
(Моя, ведь, тоже,
словно как, облезла -
в серёдку буква „sch“
нахально влезла,
пытаясь
заменить собою „ж“).

Тот, что внутри,
советовал напиться,
но я не стал,
сказав ему: „Дурак!
Они, ведь, даже
имя Solschenizin
и говорят и пишут
точно так“.

Пусть даже в Антарктиде
привыкают,
а я в себя смотрю
и не пойму -
мне жаль, ей-Богу,
что они меняют,
ну, просто так,
не знаю почему.

Те, что „слились“,
всё говорят про корни,
что предки, мол...
Да, ладно, брат, окстись!
Я спорю
на бутылку „Доппель Корна“ -
где лучше жизнь,
туда и подались.

Какие бы тут гнёзда
мы не свили,
какие б не писали
имена, -
мы всё равно
на той черте застыли,
где отпилились
корни от бревна.

Меня хоть кем
записывайте в книги -
я здесь, похоже,
ещё больше обрусел,
и чувствую себя
попом-расстригой
на ихнем хлебе
и на колбасе.

Июль, 1992 - май, 1993.
Мёнхенгладбах.

* * *

Н. Т-ву.

Ты знаешь, Коля,
я тебе завидую:
сейчас ты дома,
в нашем русском бардаке.
Я ж каждый день
веду с собой корриду
и мужиков зову
почти что матом - „хэрр“.

Я не пишу письмо,
не шлю тебе привета,
не ошибусь - скажу:
ты тоже не пришлёшь.
Скорей всего
читаешь ты газету,
ещё скорее -
что-нибудь там пьёшь.

Бывало всякое
на этой почве мокрой,
где нет надёжных
точек и опор;
но, честно, хочется
так просто, без мороки,
сосать, как влагу,
немудрёный разговор.

Я тоже побывал
и, вот,- приехал,
а ты обратно,
видно, не спешишь.
Тебе видней -
но для меня прореха:
мне не хватает
родственной души.

Конечно,
всё сейчас там непонятно,
и что родит
потом социализм...
А, может быть,
ты всё ж таки - обратно?
Тогда б напился я -
во весь свой организм!

Сентябрь, 1992.
Мёнхенгладбах.

* * *

Сыграй мне что-нибудь, пацан,
какой-нибудь простой мотив -
я буду слушать твой баян,
про всё на свете позабыв.

Сядь на крылечке, под окном,
иль встань где яблоня цветёт,
запомни день и этот дом -
он, как и всё, потом уйдёт.

Басы и клавиши чуть тронь
и, словно нехотя, начни
про одинокую гармонь,
что бродит с песнею в ночи.

Играй. Судьба уже ко мне
тебя швырнула из ствола...
Тебе не снилось и во сне
откуда я тебя позвал.

А, впрочем, сны... Ты просто спишь -
они ж пока в дверях стоят.
Когда до сюда добежишь,
посмотришь то, что вижу я.

Играй, что сделаешь, иди
ко мне на тридцать лет вперёд,
а дальше я пойду один
к тому, который где-то ждёт.

Октябрь, 1992.
Мёнхенгладбах.

* * *

Ну, где же вы, языческие Боги:
Бог рек, зверей, огня и Бог тайги?
Я „кабинетов ваших“ бью пороги
и даже приготовил сапоги.

У вас, должно быть, там, номенклатура:
приём по записи, отчётность за квартал,
проверки всякие, райком, прокуратура...
Так я вам тут в письме всё написал.

Прошу понять желанья человечьи -
они элементарны, как топор, -
я иногда хочу спуститься к речке,
собрать дрова и развести костёр.

Потом, три раза в год, набив патроны,
с ружьём проверить старые места.
Не бойтесь, ваших птичек я не трону -
лишь погляжу на них из-за куста.

Ещё - сходить по клюкву и бруснику,
и за грибами (пусть не каждый год).
Ну, как прожить без этого? Вы вникните -
без этого сам Бог не проживёт!

Хотел бы также малость порыбачить
на заводи речной, иль у пруда,
но если - чересчур - не буду клянчить.
(Признайтесь, балуетесь сами иногда?)

Как тошно жить в регламентных объятьях -
пусть вволю хлеб и разная икра,
пусть много всяких прав и демократий,-
но нет возможности погреться у костра.

Свобода нам, что для реки пороги.
Нам волю дай - век воли не видать!
Придумайте же что-нибудь. Вы - Боги!
А я попробую дровишек поискать.

Октябрь, 1992.
Мёнхенгладбах.

* * *

А луна (сколько света),
как большой каравай,
и на поиск ответов
время - хоть отбавляй.

Ну, конечно, не спится
и кровать, как доска,
и железною спицей
сердце колет тоска.

Поглядишь на планету
сквозь надетый хомут -
никакого просвета
ни в России, ни тут.

На оторванных числах
зелень старых монет.
И висит коромыслом
едкий дым сигарет.

Что предложить на сдачу?
Чем счета оплатить?
Или с дурой-удачей
просто сесть и запить?..

Ну, ещё сигарету,
даже лучше - стакан...
От луны столько света,
что не ночь, а обман.

Октябрь, 1992.
Мёнхенгладбах.

* * *

Работа есть и есть зарплата
(хоть и не очень велика);
и жизнь совсем не виновата,
что от неё внутри тоска.

Мешает взять другой „параметр“ -
залезть на гребни суеты -
меланхоличный темперамент
в координатах маеты.

В таком раскладе я бессилен
и локти незачем кусать...
живу с надеждой - жить в России,
ну и, конечно же,- писать.

Пишу ли я, иль неумело
ловлю случайные слова,-
не знаю, но, уж, коль приспело,
готовлю, как к зиме дрова.

Возможно - станет греться нечем,
когда наступят холода,-
я разожгу листками печку,
сказав при этом: “Не беда!“

В одно сольются обе струйки -
души огонь, огня поток...
а я добавлю, грея руки:
„С плохой овцы - хоть шерсти клок!“

Октябрь, 1992 - ноябрь, 1993.
Мёнхенгладбах.

* * *

Я „гнал“ сначала каждый час,
потом „тянул“ за стрелки даже...
Я побывал в гостях у вас,
но на плечах гора всё та же.

Смешно до слёз - я побывал!
в России-матушке туристом!
Один знакомый мне сказал:
„Ну, вот, приехали фашисты“.

Не отвернулся, не затих,
сказав как будто между прочим -
мне ж показалось, что „поддых“
и в самую больную точку!

(Уже приходят векселя,
судьбою выданные мило, -
ничто, ведь, не бывает зря...)
Ещё с погодой не „светило“.

Не облака, а „сапоги“
давили хмурости в угоду,-
знать, лето отдало в долги
соседке-осени погоду.

Чуть-чуть погрел костёр огнём,
съедая аппетитно лапник,
и чайник с обгоревшим дном
выбулькивал на пламя капли.

Природе в пику - радость встреч
и дней кружение, как в танце,
и, будто мёд, родная речь
во всех деталях и нюансах.

Мне время выплеснуло срок,
чуть приоткрыв свою калитку,-
всё, что успел и что не смог,
хватал, как спутанные нитки.

И снова здесь... На этот рай
глаза вовек бы не глядели:
кипящим сном клубится край,
вспахавший память в три недели.

Мне утро „прорычит“ заря -
её „поглажу по загривку“,
вчерашний лист календаря
в паденьи сделает прививку.

Но, всё равно, опять тоска -
ещё сильней и безнадёжней.
И кто-то шепчет у виска,
и пробует на шее кожу.

Октябрь - декабрь, 1992.
Мёнхенгладбах.

* * *

Охота 3.

Петляет Вычегда - курьи да повороты,
как будто кто в тайге её пролил;
гудят "Вихри" в пять тысяч оборотов
и в двадцать пять нелошадинных сил.

"Да, что патроны - и чудней бывает!
Рассказывал приятель мой, хохол:
один мужик в запарке прибегает
на озеро, а на плече - чехол!"

"Какой чехол?" "Понятно - не с рояля."
"Так не бывает! Он - чего? Того?..."
"бывает. Вы куда там затолкали
мой рюкзачок? Давай сюда его."

"Уж, "рюкзачок"! Никак его иначе
не назовёшь - как будто из свинца!"
"Где ваши кружки? будем... За удачу...
Традиционно возле Зеленца."

"А, помните, ещё в семидесятом
пекли здесь хлеб? Одна буханка: во-о-о!
Возьмешь - как пух, горячий, с ароматом,
и, просто, ешь, совсем без ничего."

"И винный магазин - к реке фасадом...
Надёргаешь, бывало, на уху...
" ... два пузыря, немного лимонада,
плюс скумбрия в естественном соку."

"Я прежде от моста сюда катался:
бензин-то стоил, что вода с реки!"
"эй, рулевой, ты что-то размечтался!
Смотри вперёд: на русле - топляки.

Один раз здесь я полвинта оставил."
"А как потом?" "На остальном дошёл."
"Вот, выйдем к озеру - а там жирует стая!"
"Да, было бы, конечно, хорошо!

Но, только, вряд ли это здесь возможно -

подальше надо, глубоко в тайгу.
За городом - не то, что всё исхожено -
истоптано!" "А, вспомни, на лугу,

то, кормовое... берег невысокий
и островки для уток - благодать!
Мы чуть поближе подошли к осоке,
они – оттуда и, давай, летать

кругами... То садятся, то взлетают,
а мы стоим - пораскрывали рты...
Такие встречи разве забывают!"
"Стреляли хоть?" "До самой темноты."

"Заря-то августе чуть-чуть коротковата:
девятый час, а солнышка уж нет..."
"И только крыльев свист, да на закате
стрелой мелькает вёрткий силуэт."

"Но, чаще, всё же - ждёшь его, заразу
(чирка, конечно), до мозгов продрог;
отвлёкся прикурить и - вот он! Сразу
выныривает, будто из-под ног."

"А в комара не пробовал дуплетом?"
"Пока что нет, но целился - не раз."
"Стою я как-то позапрошлым летом..."
"Не надо дальше - знаем твой рассказ!.."

"Вон, там, над лесом, кажется, летают...
да, не туда, а чуть правей гляди."
"Они, родимые! И, слышите, стреляют!"
"Не терпится кому-то до зари!"

"Палят злодеи - всех разгонят уток!
эх, с вами как всегда – "под занавес".
"Возьмём же что-нибудь за двое суток."
"Мне - всё равно, мне - главное - процесс!"

Июнь - декабрь,1992
Мёнхенгладбах.

* * *

Я пока ещё не бросил
якоря,
если высказаться
коротко и сжато,
и вычёркиваю
дни календаря
точно так,
как перед дембилем солдаты.

За три года
(от звонка и до звонка)-
раз побывка
(десять суток без дороги).
Был Вьетнам,
Афгана не было пока,
поднимали
лишь учебные тревоги.

Календарь нам
не „запудривал“ мозгов:
зима-лето, зима-лето,
зима-лето,
шесть х.б.,
четыре пары сапогов
и по праздникам, к обеду,
две котлеты.

Здесь я тоже -
третий год пошёл- торчу,
был и отпуск -
десять суток (без дороги).
Ночью дёргаюсь,
как будто бы хочу
убежать куда-то,
словно по тревоге.

И не ведомо
на сколько это лет:
может - три, а может - пять,
а может - восемь.
Здесь не чувствуешь зимы
(раз снега нет) -
с октября по май стоит
сплошная осень.

Да и к чёрту
голубые облака -
в небо хочется повыть
обычным волком...
Усмехнулся издалёка
ком. полка:
„На губу тебя бы,
как за самоволку!“

И болтаюсь тут
на судорогах дней -
им тащить меня, наверное,
потеха.
Ну, а якорь?
Он на Вычегде, на дне,-
я не смог его поднять,
когда уехал.

Март, 1993.
Мёнхенгладбах.

* * *

Проходит жизнь... А что ж ей не идти -
тут, хошь - не хошь, законы, а не прихоть!
Всё больше стрелок на её пути
ведут туда, где обозначен выход.

Проходит словно на воде волна,
как глохнет над тайгою звонкий выстрел,
проходит, удивляется сама:
„Ну, неужели, это я!... Так быстро!...“

А тот, кто „крутит“ время, зная толк,
привычно тянет завтра в день вчерашний
и гонит жизнь - не просто, а толпой -
толпой, ведь, даже и не жить - не страшно.

И жизнь идёт: кто „прёт на всех газах“,
кто, кажется, в самих себя вцепились;
а деться некуда - всем надо этот „зал“
пройти, хоть тресни, раз в нём очутились.

Тут сервис прост и под один стандарт
(„служители“ иного не умеют):
входящим в этот мир - пинка под зад,
и выходящим, грешным,- посильнее.

Что будет „между“, знает только чёрт
(всевышний за пределами ответчик):
кто выкурить успеет лишь бычок,
кто длинную сигару, словно Черчилль.

(Вон, та, в углу - ей и дышать претит,
и в остальном - подряд неразбериха,
а, знай, идёт - чего ж ей не идти -
тут, хошь - не хошь, законы, а не прихоть.

А эта, глянь, - смеётся и поёт,
дела идут и всё идёт по „маслу“,
с желудком ни проблем и ни хлопот,
и, вдруг,- исчезла... Только двери лязгнули.)

Найдётся день и подвернётся час
уйти к другим, быть может райским, птицам,
за то, что не использовали шанс,-

единственный из шансов - не родиться.

Но родились и „сели на крючок“,
и путь „наверх“ расписан и прочерчен:
кто выкурить успеет лишь бычок,
кто - длинную сигару, словно Черчилль.

Кому и что - решится у творца,
а на земле понятно без сомнений:
в начале кажется, что жизни нет конца,
ну, а в конце, что жизнь - одно мгновенье!

Февраль - октябрь, 1993.
Мёнхенгладбах.

* * *

Меня доводят до ума
и полудни и полуночи,
и жёлтая полулуна,
и звёзд далёких многоточья.

Не получается уйти,
или уехать от вопросов, -
так и застыл на полпути
на полуспущенных колёсах.

А полупроводник несёт
полухрипя,но можно слушать,
как без конца её трясёт -
одну шестую долю суши.

На свете нет полукостра,
полу уюта, полгражданства -
так и живу в полупростра...,
или, точней, -
в полупространстве.

Полустоишь, полувисишь
и ничего полу хорошего:
одной второй я на Руси,
другою - там же,
только в прошлом.

От полных и полустихий
мне стены прошлого ограда,
где я пишу полустихи
периода полураспада.

Май, 1993.
Мёнхенгладбах.

* * *

Охота 4.

Песок, кусты, размытое кострище,
обветренные "кости" старых пней...
Конечно, есть места гораздо чище,
но это как-то ближе и родней.

"бываем реже тут - стареем, милые!"
"Наверно - так... других забот полно."
"А в прежние-то годы лучше было -
как снег сойдёт, так каждый выходной!.."

"Нам надо к озеру добраться до заката,
всё приготовить. Время..." "Погоди!
Ей-Богу, хорошо-то как, ребята!
Минут пятнадцать - просто посидим."

"Идея есть - по сотке, за начало,
и чтоб была погода как всегда..."
"Смотри, а та сосна в реку упала -
подмыла корни всё ж таки вода."

"Однажды здесь я, вон, у той коряги
поймал штук двадцать крупных окуней.
Клюют они красиво, бедолаги!..."
"А мне, вот, там, подальше, у камней,

попалась щука! Килограмм на десять!"
"Когда?" "Да, в позапрошлую весну."
"Поймал и догадался даже взвесить?"
"Да, нет,- ушла: оборвала блесну."

"Всегда - одно: то леска, то подранки,
ершей поймал - с три короба наврёт..."
"Ребят, давайте в темпе - по полбанки,
хватаем ружья, шмотки и - вперёд."

"Вы - как хотите, а с меня - довольно:
иначе разболится голова."
"Ну, нет, так нет - тут дело добровольное...
Дай Бог, чтоб не последняя была!..

Ты что там налил - жжётся как крапива,
стоит вот тут и до сих пор печёт?"
"Водчёнка воркутинского разлива -
наш северный испытанный "сучок"."

"Возьми огурчик - сходу освежает."
"А у меня чего-то не растёт."
"Сейчас начнут про дачи, урожаи...
Смотрите - с головою засосёт.

Забудете, как люди ружья носят:
машины, дачи, ямы, гаражи..."
"Не бойся ты - охоту мы не бросим!"
"А сколько побросало!" "Не скажи!"

"На даче тоже интересно ползать.
Вон, мой сосед - копается как крот.
Охота - баловство, от дачи - польза:
хотя б своя картошка круглый год."

"Картошку - это точно - все сажают,
но как ты ни крути и ни верти,
у каждого и в целом - урожаи,
а по весне - попробуй-ка найти!"

"Ну, я пошёл, а вы тут говорите
хоть до утра..." "Идём уже, идём."
"Резиновую лодку прихватите."
"Не стоит - там чего-нибудь найдём."

Июнь, 1993.
Мёнхенгладбах.

* * *

В который раз беру свои блокноты,
в который раз в них тыкаюсь пером...
Сегодня, кажется, открытие охоты:
вы мне черкните - как и что - потом.

Что вам прогноз пообещал на сутки?
Не запоздал ли нынче ледоход?
Где побывали, как летали утки,
каким был вечер и каким восход?

Конечно, я сидел бы с вами рядом
(костёр, ружьё, потрёпанный мешок).
Пусть даже - нет, но мне другое надо -
сама возможность: „захотел-пошёл“.

У них тут не охота - ритуалы,
и в „пузырьки“ не принято стрелять.
Да мне такой не надо и задаром -
я буду память лучше „ковырять“.

Судьба моя - как птица на болоте:
не знаешь где сидит, куда зовёт;
всадить бы ей дуплет на перелёте -
да, только где он, этот перелёт?

„Не ной“,- я слышу, - „всё бывает круче!“
Что ж,- каждому своё, а это - мне.
Я будто лез на дерево по сучьям,
потом, сорвавшись, полетел к земле.

Лечу, цепляю всё, что как-то держит,
где обломил, на чём-то чуть завис
(в какой-то неопределённой точке „между“),
потом опять - определённо - вниз.

И всё „пилю одни и те же ноты“-
другие, вряд ли, в силах подобрать...
Опять - весна, открытие охоты,
я - с пустом, вам - ни пуха, ни пера!

Май, 1993.
Мёнхенгладбах.

* * *

Прошедший день забит как будто пломбой
и нет ему других альтернатив.
Я помню в цифрах основные фонды
и в лицах, как мы звали, коллектив.

Живу ж я так, как будто в подворотню
зашёл распить бутылку пополам
(ну, может, на троих, чтобы охотнее),-
распили, в рот сырки и - по домам.

У немцев в жизни больше оснований:
приехал, два-три года, строит дом.
Я ж, в принципе, доволен в этом плане
своим трёхкомнатным недорогим углом.

А так скучаю по словам и фразам -
да разве можно перечесть всего...
А вы как там в первоначальной фазе?
Как комбинат, то бишь теперь А.О.?

хотелось бы мне как-то день потратить,
чтоб этак наяву, а не в уме,
совместно „обсосать“ мероприятия
по подготовке, например, к зиме.

Потом в привычном захлебнуться деле,
чтобы помочь, решить, иль провернуть:
там потекло, там что-то вдруг заело,
там кто-то сунул палец в шестерню.

Здесь я пока не слышал про авралы
(хозяин, правда, „пашет“ за двоих),
а я рисую домики с подвалами:
пять дней рабочих, пара - выходных.

„Сижу под турком“ - это мой начальник
(нуднее нет, есть что-то от паши),
но надо должное отдать - он тут „причалил“
и кончил В.У.З. буквально на гроши.

Мне ж не под силу здешние карьеры,
хотя другие, в общем, их берут,-
во мне сидят какие-то барьеры,
что в сумме ностальгиею зовут.

Но что бы ни хотел и кем бы ни был,
задаром даже гроб не отнесут
и надо зарабатывать на хлебы,
и на машину, и на колбасу.

Вы всё потом прочувствуете лично,
когда умолкнет хриплое „ура...“,
что был социализм в сто раз привычней,
пусть даже он себя не оправдал.

Всё как-то слишком быстро задрожало,
рассыпались устои и оплот.
Мне жаль её, неумную державу,
и русский Крым, и Черноморский флот.

Пётр в бешенстве бы сходу покалечил
и князь Потёмкин двинул бы под глаз.
Ах, дорогой ты наш, родной Сергеич,
каким ботинком запустил ты в нас!

Но все в ответ что надо прокричали:
и пьяные и те, что как стекло...
На тридцать лет вперёд „не прокачали“ -
как ни крути - выходит поделом!

Ну, что ещё? Сижу, обычно, дома.
был раз в Париже - тридцать два часа!
большой он город - больше Усть-Кулома,
но меньше, чем озёра и леса!

Шучу, конечно, но и это реже,
иль на совсем нешуточный манер...
Надеюсь, встретимся и посидим как прежде.
Ваш бывший (даже главный) инженер.

Май, 1993.
Мёнхенгладбах.

* * *

Каждый день несёт одно - усталость,
каждый час - увесистый кистень:
это мне привет черкнула старость
на некруглой дате сорок семь.

это возвращаются к причалу
детских лет шальные корабли,
это капитаны прокричали
что-то и руками развели.

Я, конечно, чуть похорохорюсь:
хвост трубой в окрасе старых мод,
в девках взглядом уличным „пороюсь“,
с „бородою“ выдам анекдот.

Только время царствовать обману
вышло, расседлав своих коней,-
стали вдруг года не по карману,
будто сразу поднялись в цене.

Не собрал что следует в кубышку,
не прочёл, что надо бы прочесть.
Чуть „подъём“ - и мучает одышка,
чуть „подпрыгнешь“ - и башкою - тресь!

Сентябрём уходит лето в осень -
только дождь останется дождём.
Не гадал, не думал я, что „после“
разорвётся с тем, что было „до“.

Я прижиться даже тут не пробую -
на „конце кнута длиннющих миль“;
а немецкий будет мне до гроба
языком отгрохавшей войны.

И усталость „не загнать в кавычки“,
не приставить, как ружьё к стене...
Лишь года несутся по привычке -
только жаль, вот,- поднялись в цене!

Июль, 1993.
Мёнхенгладбах.

* * *

С-ву.

Счастливый человек ты, Саш,-
скажу тебе, как мыслю я:
жильё, машина и гараж,
жена и рядом сыновья.

Всё делится на четверых
(убыток или „трудодень“):
„Прогресс“ и „двадцать пятый Вихрь“,
и дача с баней (в банный день).

Не надобно менять места,
как стаи перелётных птиц,
и нет нужды вам паспорта
лиловить „пальцами“ границ.

К чертям чужие языки -
родной-то некуда девать...
Субботний день и рюкзаки
ведут в лесную благодать.

Трясётся „Запорожец“- мул,
в песке вытаптывая след.
(Я б на такой сейчас „махнул“
вполне приличный свой „Кадетт“)...

Ты будто дом с собой носил
в видавшем виды рюкзаке
и сыновей тайгой крестил -
они ж с пелёнок на реке.

И разговоры об одном:
рыбалка, бор, охота, лес...
Я помню, как вы вчетвером
„седлали“ старенький „Прогресс“.

Для рыбы, ягод и грибов
у каждого свой инструмент,
четыре пары сапогов
и всем один „абонемент“.

Вне дома, дома ли привал -
перекусить, передохнуть,-
ты внешне строг, как генерал,
но разрешаешь по чуть-чуть.

Не грех, ведь, - за такой простор -
за это можно и стакан!...
. . . . . .
И будущее - лет на сто
уже прикидывал Госплан:

на всех - один эСэСэСэР,
варёной - граммов сто на день,
зарплата - двести десять „эр“,
бензин - хватай кому не лень...

Минуло всё; и жизнь ножом
вам режет корни старых пут,
оставив прежним миражом
коммунистический уют.

Не плановый идёт прогресс!
Поверь мне - он намнёт бока...
Ему - тайга в противовес
и в уравнение - река.

Как исцелительный раствор,
поможет, вылечит всегда
бруснично- глухариный бор
и чуть „ершистая“ вода.

Я этот мир „жую“ досель,
без выходов на перекур;
глаза закрою - вижу ели
и чуть приметную тропу;

закат в июне над рекой,
костёр в кустах, на берегу,
и белой пелены покой,
и след зайчишки на снегу.

Да разве это передашь,
тем паче - слов наперечёт!...
Счастливый человек ты, Саш!
А сам ты как на этот счёт?

Сентябрь, 1993 - январь, 1994.
Мёнхенгладбах.

* * *

В. О - ву.

Расскажи мне вновь про буровые,
что дают нам ,грешным, нефть и газ.
Я послушаю, как будто бы впервые,
хоть и слышал это всё не раз.

В области буренья я не слишком -
только телевизор и со слов.
Знаю: буровая - это вышка
и десяток крепких мужиков.

Каждому чуть лишнее отмерено:
в глубину, и вширь, и вкривь, и вкось;
да и родом все с одной „губернии“ -
с той, где в тесных рамках не жилось.

Пусть идеи класса не „проглажены“,
пусть в манерных тонкостях изъян -
всё „проглотят“ километры скважины
и очистит нефтяной фонтан.

Ты попал туда совсем „зелёным“ -
техникум и кое-что из книг...
Вытащили быстро из „пелёнок“
асы легендарных буровых.

Истины усваивались сразу
в тех местах, где мат поют как псалм.
Расскажи про долото с алмазами,
что „посеял“, а потом списал.

Всё-то вы нашли, что там искали,
но глядел сердито старый кедр -
как тайгу „буранами“ ломали,
добираясь до глубин и недр.

А кругом безлюдье и болота...
Только вышка всё ж не монастырь -
сбросят ящик водки с вертолёта,
если - нет, то под рукой чифир.

И „гудели“ с вами даже ёлки,
и стоял в бараке перегар...
Правда ли, что как-то комсомолки
приезжали к вам на семинар?

Вы там „зашибали“ жутко много,
но „спускали“ всё ещё скорей -
лишь порой хватало на дорогу
до горячих пляжей и морей.

Всё, конечно, в памяти отложится,
чтоб, как зонтик, - под рукой всегда.
(Позже ты наскрёб на „Запорожец“
и „отчалил“ в просто города).

Расскажи ещё. „Подкрась“ немного!
Разотри былое в порошок...
Я такого не видал, ей-Богу,-
у меня всё было хорошо!

У меня всё было как-то гладко:
брился регулярно, не дурил,
утром делал иногда зарядку,
золота не мыл и не бурил.

Долго сочинял себе программу -
перевёл бумагу и затих.
В это время сомотлоры с бамами,
и вуктылы были у других.

Ну, давай ещё; стаканом тресни;
пусть дрожат года у кромки губ...
Жизнь - у всех фонтан! И даже - если
бьет он из обычных ржавых труб!

Октябрь, 1993.
Мёнхенгладбах.

* * *

Я привыкаю и, глядишь, привыкну -
не бросит в дрожь забытым словом „Русь“;
лишь напоследок удивлённо вскрикну,
и вряд ли, уж, когда-нибудь вернусь.

А то, что вглубь на много „вёрст разлито“,
подсохнет в струйках будущих годов,
уляжется, спрессуется под „плитами“
чужих дорог и чуждых городов.

Уйдёт тихонько, мягко - словно не было,
вписавшись в жутко маленький рассказ.
без грусти буду я глядеть на небо,
тем более - здесь нет пролётных трасс.

Я буду пиво пить и улыбаться,
и утром, в шесть, зарядку начинать,
спокойной жизнью тихо наслаждаться,
и, просто, ни о чём не вспоминать!

Земля ж тут - сад: цветочками утыкана,
траву по двадцать раз в году стригут...
Я к этому со временем привыкну.
Привыкну, если раньше не сбегу

опять туда, где все пути разбиты.
(Я видел их, надеюсь - разберусь).
И вспомнится, что было позабыто
в одном простом, коротком слове „Русь“.

Ноябрь, 1992 - ноябрь, 1993.
Мёнхенгладбах.

* * *

Бред.

Я прошу Вас - со мною не спорьте,
я не только по возрасту дед.
Ах, мадам! Вы мне всё испортили,
всё, за минусом нескольких лет.

Я свой срок ни на день не откинул -
прыгнул в мир и давай кричать.
Я б пораньше на волю „двинул“,
чтоб не в этих томиться лучах.

Я бы сделал попытку летом -
пусть хоть в самый июльский зной.
(Нынче - поздно и выбора нету.
Всё завязано прочным узлом.)

Вы лучами меня ублажали
и какой-то своей волной...
Говорят, Вы поэтов рожали?
Ну, и что? Их везде полно.

Покумекаешь - сходится вроде,
но бывает такое, что смех!
Может Вас сочинили в народе?
При бессоннице? Для утех?

Разодрали весь свод на клочья,
сшили, словно одежду из кож.
Что там делают эти точки?
Даже днём ни хрена ни поймёшь!

В то же время, прикинешь в общем -
есть какой-то такой эфир:
мы ж по-разному землю топчем
и по-разному смотрим в мир.

Нас растят как плоды на грядке,
удобряет небесный навоз...
У других, может, всё в порядке,
у меня - канители воз.

Не хочу я, что б слишком красиво -

лишь для жизни разумный набор.
Не пора ли внести коррективы?
Что ж не сделали до сих пор!

Может, скучно Вам? Ведь одна же?
Не пора ли идти под венец?
Я - серьезно - попробуйте замуж.
Есть путёвый мужик Стрелец!

Чтоб на свадьбе поели, попили,
чтобы водку хлестал водолей,
чтоб детишек потом наплодили:
в общем всё, чтобы как у людей.

А когда запищат младенцы
и тоскливо нахмурят лоб.
Вот тогда, может быть изменится
этот девичий Ваш гороскоп.

Вам, конечно с высот виднее -
есть там выбор у Вас, или нет.
Неужели останетесь ДЕВОЙ
на ближайшие тысячи лет?

Ноябрь, 1993 –
Мёнхенгладбах.

* * *

Охота 5.

И был бы мир немножечко поуже,
и ближе горизонт и небосвод
без этой, как мы называем, лужи
размером сто, примерно, на пятьсот.

Вода и лес под голубою крышей
Застыли в ненаписанном холсте.
И лишь кустарник стал на год повыше
а мы на год придвинулись к «черте».

«Сезон к сезону будто бы листаем,
год пролетел, как взмыленный чирок.
А сколько их ещё там, в этой «стае»?»
«эй, ты, «философ», где твой котелок?

Кончай глазеть, давай к столу поближе -
пора уже немного закусить.»
«Я что-то уточек пока не вижу?»
«Погодь, слетятся - лишь начнут палить.»

«Обычно, здесь они всегда сидели.»
«Сидели... по преданиям отцов.
Я был на сенокосе две недели -
там «лупят» всё и даже хлопунцов!»

«Вот, варвары! Я отбирал бы ружья!»
«Давай, займись-ка. Покажи пример.»
«А что у нас сегодня есть на ужин?»
«А то же, что у всех в эСэСэСэР.»

«Ну, не скажи - немного пообильней,
и повар накрывать столы мастак!»
«Гляди-ка – «Сервелат»! Где раздобыли?»
«А это, просто, надо знать места.»

«Тут не хватает только апельсинов -
неуж, успеем всё «уговорить»?
Вот, в старину охотники носили
патроны, соль, крупу и сухари.»

«Так то - охотники, им было так положено.
Мы ж - отдыхаем, и едим, и пьём;
нам без цыплят и колбасы не можно,
мы без жратвы тут с голоду помрём.»

«Я как-то стоимость охоты «взвесил»...»
«Чего там «вешать» - уток больше бей.»
«Нет, я прикинул так, из интереса -
чирок «влетит» мне в семьдесят рублей!»

«Тогда возьми не одного, а двадцать,
и покупай поменьше «пузырьков».
«А кто же мне щипать их будет, братцы?
И правила - за выезд пять чирков.»

«Кончайте вы считать свои баллансы,
допейте чай пока он не остыл...»
«Ребят, а небеса такие ясные,
как будто кто-то щёткой их промыл.»

«Да, хорошо - спокойно и красиво;
горячий чай и тлеющий костёр.
Возьму-ка я, наверно, объективы
и похожу по берегам озёр.»

«Тебе таскать их что ль не надоело?
Довесок – лишних десять килограмм!»
«И хоть бы раз для смеху фотку сделал!»
«Придёт зима - наделаю, отдам.»

«Давайте лучше ружья распакуем,
пройдёмся, чтобы не торчать тут зря.
Пойдёшь?» «Нет, нет - я просто покайфую.
Сейчас опасно - всюду егеря.»

«Сидели бы - открытие с утра же.
С ружьём поймают - оштрафуют враз!
бывало, ведь, такое не однажды...»
«Мы - потихоньку...ждите через час.»

Февраль, 1994.
Мёнхенгладбах.

* * *

Н.Т - ву.

Мы ведь никуда не уезжали -
судьбы отменили поворот:
не было билетов на вокзале,
„съел“ весь керосин Аэрофлот.

Потому, что это несерьёзно -
не могло такого с нами быть:
вон, за окнами растут берёзы,
под окном щебечут воробьи.

И кукушка по весне кукует,
облака гоняет ветерок...
Что же в нас неделями тоскует
и глядит куда-то на восток?

Мы, ведь, где-то там, а не оттуда -
что же нас „раскачивает“ Русь?
У тебя всё шире амплитуда,
я же у „оси“ пока держусь.

Катятся зелёные вагоны,
путаются строчки на листе -
всесторонне учим мы законы
в притяженьи падающих тел.

Ты гляди там - не испорть желудка,
поддевай кальсоны в холода,
и не обижайся - это шутка:
чай, привык катать „туда-сюда“.

На вокзале тоже мы шутили,
а к перрону поезд подходил...
И билеты у кассирши были
(мы тогда ещё СВ купили)...
был и самолёт - пузатый ИЛ.

Февраль, 1994.
Мёнхенгладбах.

* * *

Нет новых песен про запас,
а старая - почти допета...
И жизнь течёт... и - унитаз
общественного туалета.

Январь, 1994.
Мёнхенгладбах.

* * *

Не кончается урок,
как ремонт в квартире...
Дотянуть бы лучше „срок“
в том, привычном, мире.
Ясном, как удар кнута,
близким до печёнок,
выполнявшим (пусть не так)
планы по копчёной.
И, мозгами шевеля
где-то под коростой,
понимаешь, что с нуля
прыгнуть здесь не просто.
Ихний рыночный поток
шпарит без оглядки,
ты ж - как старое пальто
на клубничной грядке.

Всё не этак и не так,
как бывало ранее -
без привычной маеты
соц.соревнований.
Пирамиды, города -
ломики, лопаты...
С нашей можно было дать
сто и две десятых.
План повертится в руках,
сладится в отчёте,
премиальные - в ларьках,
коллектив - в почёте.
Пили в меру (кто ж не пьёт) -
профсоюзы строги...
И, качаясь, шли вперёд
по прямой дороге.

Здесь дорог не перечтёшь -
основных и прочих.
Труд на первый взгляд похож,
а „парьки“ - не очень.
Льётся дождик на поля,
жарятся цыплята;
нету „кормчих“ у руля,
лозунгов и мата.

Напирай и не робей -
похоронят заживо
в полувежливой борьбе
купли и продажи.
Шевелись, дерзай, учи -
будет всё в порядке...

Или - пугалом торчи,
как тот „тип“ на грядке.

Февраль 1994.
Мёнхенгладбах.

* * *

Я б сотни написал стихов,
а может, даже, - тыщи.
Да, вот беда, - то много слов,
то - днём с огнём не сыщешь.

Одни - как будто не у дел,
с другими лишь морока,
а третьи - только проглядел -
нахально лезут в стороки.

От строчек пухнет голова,
как мокрые патроны...
Вдали поют тетерева,
вблизи кричат вороны.

Бросаю и сажусь опять,
тру подбородок, щёку;
пройдусь, прилягу на кровать -
и никакого проку.

Сижу не так и что-то жмёт,
хочу курить и чаю,
строгаю карандаш ножом
и медленно скучаю.

Проходят дни - и та же глушь,
и я на той же точке.
Какие сотни! Что за чушь!
хотя бы в день по строчке.

Июль, 1992 - февраль, 1994.
Мёнхенгладбах.

* * *

Беру всё выше рубежи -
осмыслить если здраво:
черчю дома, и гаражи,
и сточные канавы.

Накоплен опыт и пора
расставить всё по полкам...
Надеюсь, буду по утрам -
чтоб было чисто тут и там -
мести дворы метёлкой.

Апрель, 1994.
Мёнхенгладбах.

* * *

Н. Т - ву.

Родной- то воздух, что напиток,
когда вся жизнь - куски дорог,
но сколько б не вдохнулось литров,
всё выдохнуть наступит срок.

Потом, придавленно и тяжко,
в демократических краях,
в помятой в поезде рубашке,
сидишь, дыханье затая...

Наговоришь про перемены,
про курсы денег и валют,
про то, что на базарах - цены,
про то, что там в России пьют.
И что народ живёт как может,
а стало очень трудно жить;
что „сверху“ отпустили вожжи,
а, в принципе, пора давить.
И много всяческих деталей,
из коих сложен быт страны,
которая магнитом тянет,
особенно со стороны.

В конце, послав дороги к чёрту,
как будто сняв с себя тряпьё,
на „стыке“ третьей и четвёртой,
добавишь тихо: „Всё путём.
Везде работа, всюду проза,
лишь разных степеней бардак!“
(Ну, как не вспомнить леспромхозы,
где было ясно - что и как.
бывало плохо, были тренья -
но где, простите, хорошо!
Всё познаётся лишь в сравненьи:
что потерял, и что нашёл).

И время, морщась от натуги,
попрёт в неведомую даль
и дюссельдорфы, и калуги,
и всю мудрёную спираль.

Спирали этой величины
осмыслишь, глядя в потолок;
„привяжешь“ следствия к причинам,
чтоб укатить на новый срок...

Велик, иль мал для нашей „масти“
доход-расходный механизм -
мы просто делимся на части,
как развитой социализм...
Другая что ли тут картошка,
другие что ли хлеб и соль?...

На то и новые сапожки,
чтоб истирать себя в мозоль!

Апрель - май, 1994.
Мёнхенгладбах.

* * *

Что мне нужно, я знаю сам -
и не хуже врачей, между прочим:
я втираю вьетнамский бальзам,
если что-то с башкою не очень.

Мы себе доктора к сорока,
в пятьдесят - академики, вроде.
Но с одним разберёшься пока,
а другое - уже на подходе.

Я умею себя погружать,
растираньем лечу колено...
Жаль - не выучил - где прижать,
чтоб судьба не давала крена.

Если мутит - испить кваску,
иль капусты - пригоршней из бочки.
Только чем бы залить тоску,
чтоб давила не так, уж, очень.

От желудка - сто грамм в нутро,
от простуды - парилка до пота.
Чем бы смазать плохое перо
и отсутствие мысли полёта?
(Прожитого им шлю заряд
из событий и фактов, в лицах,
а они как столбы стоят
от Чукотки до польской границы)

Напрямую гляжу в небеса,
не найдя тут нормальной лужи.
Что мне нужно - я знаю сам,
лишь не знаю - зачем оно нужно.

Июнь, 1994.
Мёнхенгладбах.

* * *

Дождик льёт на луга и поля,
будто хочет водой их засеять.
Я „болтаюсь“ в районе нуля
и не мёрзну, и не потею.

Мне плевать на погодный нелад -
у меня тут другие проблемы:
потерялся бывалый азарт,
расшибаются мысли о темы.

И минутой нельзя бы сорить:
всё под горку попёрло - к итогу.
В эти годы бросают курить
и украдкою молятся Богу.

Зачастую и выпить нельзя :
что-то давит то слева, то справа.
безвозвратно уходят друзья,
отыскав в те миры переправы.

Что-то морщится, сохнет внутри,
как листва на осенних ветках;
лишь пытается жизнь повторить
очумелая память в клетках.

Свежий ветер напрасно бъёт
по истрёпанной парусине :
продвиженье само идёт
по инерции - не от усилий.

Ну, а дождик всё льёт на поля -
всё подряд беспощадно мочит...
Я за стрелкой „пополз“ от нуля
в направлении часа ночи.

Июль, 1993 - июнь,1995.
Мёнхенгладбах.

* * *

Охота 6.

Скатился день в другую половину,
а солнце - за леса и за бугор,
остатки света бросив на рябины,
на гладь воды, на вспыхнувший костёр.

И темнота, схвативши те остатки,
вплотную встала у горящих дров,
и в воздух накидала для порядка
голодных, ненасытных комаров.

«Куда запропастились эти двое,
приспичило - в стволах, наверно, зуд.»
«Должно быть, ломанулись вдоль полоя...
Да, никуда не денутся - придут.»

«Не нарвались бы! С этим нынче строго.»
«Накаркаешь!» «Не буду. хорошо...»
«А, вон, на горизонте наш фотограф.
Ну, что ты там хорошего нашёл?»

«Всё - в норме: потихонечку стреляют!
Ей Бог, в субботу открывают зря.
Тут, по пути вспугнул большую стаю
и не чирков, а здоровенных крякв.»

«Ушли?» «Конечно. Может, снова сядут.
Они ж, злодеи, умственно растут:
ты без ружья - они как на параде,
возьмёшь ружьё - почуют за версту.

Но нагулялся - аж, слегка качает...
Сапог, зараза, кажется, худой.»
«Присядь, попей-ка свеженького чаю.»
«Спасибо - выпью. С тутошней водой -

пью без конца - не утоляет жажду.»
«А ты попробуй - хлорочки чуток!»
«Придётся. С йодом пробовал однажды...
э, кто-то к нам забрёл на огонёк...»

Открытие охоты тоже праздник.
Приходят гости - принимай гостей:
своих, чужих, любых - какая разница!
Но эти двое - эти от властей!

«Приветствуем охотников-любителей!
(Ты, погляди - как генерал одет.)
Я - Рыбохотнадзора представитель.
Со мной товарищ - он из УВД.»

«Проверка, так сказать, по долгу службы -
прошу вас документы предъявить...
билет... Путёвка... Право на оружие...
Ну, что ж - порядок... Просим извинить:

чайку нальёте - пить охота очень -
«мотаем», уж, не первый километр!»
«Да, Бога ради, пейте сколько хочешь.»
«Присели бы - в ногах-то правды нет.»

«И много нарушителей?» «Порядком.
Всё, в основном, стреляют до зари.
Тому, глядишь, плясать бы под трёхрядку,
а он в пустые «лупит» пузыри.

Кто штраф получит денежный, а кто-то
отдаст свою двухстволочку в казну -
порядок должен быть и на болотах!
Лишь двое умудрились ускользнуть.»

«И как они?» «А, так: в протоку юркнули,
рванули по воде, как катера!
Один был, кажется, в зелёной куртке...
Пора. Пошли. Ни пуха, ни пера!»

«И вам того... Вот прицепились, стервы!
К открытию, как ястребы летят.
А сами-то похуже браконьеров –
охотятся когда и где хотят.»

«Так, что же им - в тайге жевать минтая?»
«Пускай стреляют, но не чересчур...»
«Ты сам-то удержался бы?» «Не знаю...»
«Вы гляньте-ка на этих «мокрых кур»!

Не запылились?» «Можно и без шуток!»
«Неужто, это вы - от егерей?...»
«Естественно. Держите пару уток,
а нам - по двести грамм и поскорей!»

«Сейчас - момент! Пожал-те ваши склянки,
в лечебных целях пейте, мужики!»
«Возьмите, вот, резервные портянки.»
«А у меня - резервные носки.»

«Теперь свою рассказывайте байку.»
«Да, тут и дела-то - на медный грош!
Шли просто так, а набрели на стайку -
ну, разве мимо этого пройдёшь?»

«Мы -к ним, поближе... утки полетели...
мы - им вдогонку... подстрелили двух...
Пока с воды достали - аж, вспотели...
Сидим, «базарим», переводим дух...»

«А эти нас заметили и «чешут»
без остановок. Чуем - быть беде!
В таких делах не стоит долго мешкать -
решили «дёрнуть» прямо, по воде.»

«И здесь - опять... Почти пришли –вдруг слышим
и ваши и чужие голоса...»
«Сидели там, вон, мокрые, как мыши...»
«Не долго же?» «Примерно, полчаса.»

«Теперь согрелись?» «До последних клеток.
Ты как, напарник?» «Спит уже, притих.»
«Но, уток - чую - много этим летом...»
«Вот, завтра посчитаем - сколько их.»

«Всё хорошо, что хорошо в итоге...
Пойду-ка я в палатку подремать.»
«Мы у костра расслабимся - как йоги.»
«А мы - на стог. На сене ж - благодать!»

Февраль - апрель, 1994.
Мёнхенгладбах.

* * *

Кусками хлеба проскочили
года в голодный жизни рот...
Неуж, когда-то мы учили,
что бутерброд - есть Butterbrott.

Не те мы ставили артикли,
не так спрягали мы глагол,
а время потихоньку тикало
и заполняло протокол.

А время-то - каких свершений,
каких прорывов и побед:
мы ж эту формулу Эйнштейна
на дверь писали в туалет.

Шутили физики на троне -
их шутки вызывали смех,
и были лирики в загоне,
и очаровывал физтех.

На ускорители - скорее,
на пик фундаментальных драк...
На кой была нам Лореллея -
у нас был свой Иван-дурак!

И у меня он был, тем паче,
и назывался - идеал!
Но как-то всё переиначил
и как-то всё переиграл.

Не разогнался ускоритель -
тот самый синхрофазотрон:
я - просто инженер-строитель,
простейший, будто электрон.

Потом до галстука на шее
дорос (Иван- то поощрял),
три буквы формулы Эйнштейна
я русским смыслом насыщал.

А он всё лез и лез из кожи
и вылез к сорока пяти:
теперь - я тут, я тут - чертёжник:
уж, дальше некуда идти!

Его спросил я прямо в зенки:
„Ну, что - приплыли, дорогой!
Чужие стены и простенки,
и с языком - ни в зуб ногой!

Ты что же, дурень, напортачил?
Куда заныкал идеал?
Зачем ты всё переиначил,
Зачем ты всё переиграл!

На кой засунул всё в кавычки,
вне не оставив ничего!“
И, напоследок, по привычке,
послал „по формуле“ его.

Теперь сижу, вот, и скучаю,
пишу на дурака портрет;
и задним сроком изучаю
свой Russische Mentalitaet.

Март - июнь, 1994.
Мёнхенгладбах.

* * *

Напрасные муки.

Кому-то раз приснился сон,
Что опоздал на поезд он.
Очнулся - в горле крик и брань:
Час с четвертью - какая рань!
Лишь задремал, расслабив тело,
Вновь сновиденье прилетело.
Два с четвертью! бедняга наш
подпрыгнул на кровати, аж!
Вот, снова он сопит в подушку,
Но тем же сном покой разрушен
И в третий раз проснулся он:
Семь с четвертью - какой тут сон!
Ведь, поезд тот, что нужен был,
В семь десять - точно - укатил.
Мораль: к чему кошмары эти,
Раз просыпаешь всё на свете!

Июль, 1994.
Мёнхенгладбах.

* * *

Опять дорожные портки
и стук колёс на перегонах,
сурьёзные проводники -
князья обшарпанных вагонов.

Опять казённая постель,
окно, бегущее по свету,
границ ночная канитель
и в час - четыре сигареты.

Опять минуты-кирпичи
в растворе чувств стеною длинной...
Москва, вокзалы, москвичи -
дорог российских середина.

Опять на две недели бронь
от чужеземных кувырканий :
вязанка хвороста в огонь
сгорающих воспоминаний.

Опять, как будто жест руки,
смахнёт минуты и недели,
что одежонку в сундуки
и... Ездил ли на самом деле?

Август - сентябрь, 1994.
Сыктывкар-Мёнхенгладбах.

* * *

Когда внутри дьячки поют
и перегар от разговора,
я из заначки достаю
простую пачку „Беломора“.

Беру кусочек жизни той,
„жую“ коровьей грустной жвачкой
и умиляюсь над ценой :
по двадцать пять копеек пачка.

Класс - пятый (чуется нутром)...
ГОСТ... Красный знак на этикетке...
Названье фирмы - Агропром
и коллектива - Клара Цеткин.

За качество, уж, не взыщу -
„Урицкий“ - лучше (нет вопроса).
Я осторожненько тащу
полупустую папиросу.

Мундштук сминаю крест на крест,
губами крепко зажимаю...
(Ну, разве Marlboro и West
стандарты наши понимают!)

Вдохну горящую траву,
в которой всякого навалом,
и захлебнусь и поплыву
куда-то, словно по каналу.

И тело продерёт до пят,
и дым повиснет коромыслом...
Когда внутри дьячки скулят
и в каждом слове нету смысла.

Ноябрь, 1994.
Мёнхенгладбах.

* * *

Покупки

Удар судьбы всегда неведом...
Решил мужик перед обедом
По магазинам походить
И - что там надо - закупить.
Приходит в первый - вот-те раз -
Закрыто и „Приду сейчас“.
„Сейчас“ не значит - в тот же миг,
В другой потопал наш мужик.
К дверям приблизился, застыл:
„Я пять минут назад закрыл“.
А в третьем - там ещё смешней:
„Открою через восемь дней“.
Стучит в четвёртый. Вышел некто:
„Вас просит извинить директор!“
была толпа народу в пятом -
Не стал терять он время зря там.
Шестой - опять удачи нет:
Забыл туда входной билет.
В седьмом весь пыл его потух:
„Обед с двенадцати до двух“.
бедняга в злобе задрожал
И снова в первый побежал.
Там нервный шок его потряс -
Висит замок: „Приду сейчас“!

Февраль, 1995.
Мёнхенгладбах.

* * *

Умственный труд

Бумажный лист как чистый снег...
Над ним склонился человек:
Сидит, не пишет, не бормочет,
Лишь острый карандашик точит.
„Точил“ словесный лучше б дар!
Нет, он вдыхает дым сигар,
без меры крепкий кофе пьёт,
А вдохновенье не идёт.
Торчит внутри оно упорно,
как некий домосед-затворник.
Никак не сладится Бедняга
завлечь его на лист бумаги!
Ну, есть оно внутри - и что ж:
В том пользы ни на медный грош.
Ведь, радость только то даёт,
Что прочно вписано в блокнот!

Февраль, 1995.
Мёнхенгладбах.

* * *

Где ты бегаешь, мальчишка -
лето целится в зенит?
Вон, лежат в чулане книжки
и портфель в углу стоит.

„Отдыхает“ униформа
до начала сентября,
не тебе играют горны
в пионерских лагерях.

Молоко, краюха хлеба
и - свободе нет преград;
а вверху висит полнеба
над деревней, в аккурат.

А она в серёдке света,
хоть не шибко велика:
без кина и сельсовета,
без церквушки и ларька.

Остальное - без загвоздки:
солнце, воздух и вода,
палисадники, берёзки,
двор, конюшня, три пруда;

перелесочки, опушки,
сараюхи и овин,
мост, колодец и речушка
шириной почти в аршин.

Ну, и где ж тебя там носит
босоногая нога?
Может быть, на сенокосе
возишь копны на стога?

Волокуша, лошадёнка,
чуб, фуражка набочок :
не заигрывай девчонка -
весь в работе мужичок!

Что деревня - то прорехи:
люди строят города...
Делу - время, час - потехе
соответственно годам.

Вон, не ты ли без оглядки
в птичью рощу покатил,
смастерив себе рогатку
с красных дедовых бахил.

Иль под кваканье лягушек
у пруда, в кустах присел,
чтобы выловить на ужин
полдесятка карасей.

Пусть клюют они лениво,
ты оставь на память мне:
избы, мостик, берег, ивы,
куст рябины на гумне.

Ты, ведь, даже не гадаешь,
как я годы „просвищу“...
Ты мгновения теряешь -
я отсюда их ищу.

Это, вроде, как папирус
затерявшихся веков :
неужели я там вырос
средь берёз и мужиков!

И, пока не полетела
жизнь по вздёрнутой кривой,
мужики под „этим делом“
толковали смысл её.

В суете дневного гама,
сквозь прожитого туман,
показалось мне недавно,
что играет твой баян.

То ли вальс о сопках мглистых,
то ли полонеза плач...
Ты не станешь баянистом -
зря учил тебя избач.

И крестьянином, как предки,
ты не станешь никогда :
от корней отрезав ветки,
ты уедешь в города.

Будут и ещё потери:
всем ломать хватает дров.
Ты ж пока себе отмерил
„детским метром“ сто годов.

А судьба всё „перепашет“
пережжёт до уголька...
Далеко деревня наша
без церквушки и ларька.

Отлистаешь жизни книжку,
оботрут виски года...
Ты придёшь ко мне, мальчишка,
я к тебе, уж,- никогда.

Июль,1994 - март,1995.
Мёнхенгладбах.

* * *

Предисловие
к „Удивительному доктору“

Хочу сказать вам с первых строк:
Я в медицине не знаток!
Читатель, верь моим словам,
И это вовсе не обман;
Я дам возможность вам смеятся,
А не таблетками питаться.
По сути, взгляд мой не из клиник:
Скорей всего, я - „меди-циник“.
И появилась книжка эта
Шутливо-простеньких советов:
В ней я хочу, не роясь в недрах,
Вас посмешить на грани бреда.
Так мы улучшим вместе с вами
„Торговлю“ нужными плодами,
Поскольку все мои старанья
лишь „сбор плодов“ на древе знанья.
Я покажусь жестоким вам,
А шутки - свод ужасных драм.
На это я б ответил так,
Что тоже часто как червяк
От боли день и ночь кручусь,
но, всё ж, при том, пока, смеюсь.
Мир наш в своей основе груб,
А человек в нём - жизнелюб!
Читайте, смейтесь, Боже мой -
Смеющийся, ведь, не больной.
Я с вами счастлив буду тоже,
Коль смех кому-нибудь поможет!

Март, 1995.
Мёнхенгладбах.

* * *

Ода врачеванию.

В искусствах есть ремёсел доли,
И в медицине есть, тем более.
Творцы оспорят, без сомненья,
Столь легковесное сравненье.
Бессмертным стать - искусства путь,
Цель у врачей скромней чуть-чуть:
Их больше радует момент,
Коль смертность снизила процент.
Искусство, всё ж, в своих основах
Лишь наслажденье для здоровых:
Порой, важнее чем стишки
Простой рецепт на порошки,
Или любых картин полезней,
Картина точная болезни,
Поскольку даже мудрецу
Здоровый цвет лица - к лицу.
Больному ангелы запели -
Врач скажет им, что б не шумели.
В том сила их умов и рук,
Как связь искусства и наук.

Апрель. 1995.
Мёнхенгладбах.

* * *

Врачи 1.

Врачи бывают всех сортов.
К примеру, нежный сорт таков:
Они нам ласково поют,
Порой у смерти на краю,
Расскажут анекдотик сладко,
Протянут ручку, будто лапку,
Щебечут весело, как птички,
Пропишут сходу вазелинчик,
Таблеточки или примочки,
И, сквозь блестящие очёчки,
Лукаво глазками сверкнут,
„бобошкой“ рак кишки зовут.
Больной оттает понемногу,
Уйдёт домой... И слава Богу!

Апрель, 1995.
Мёнхенгладбах.

* * *

Шестьдесят четвёртый: был и - нет,
я назад гляжу на тридцать лет:
не бывает дыма без огня -
он был чем-то главным у меня.
Он сперва огромный был такой,
високосный год и выпускной;
не стоит вопросов „быть - не быть“
надо что-то умное учить.

Шестьдесят четвёртый. Ленинград...
Только чёрт другому был не брат:
у меня задача не в ответ,
у меня в обратный путь билет.
Жизнь тряхнула мимоходом нас
и исчез одиннадцатый класс -
мы за лето сходу подрасли,
да и судьбы нас уже несли.

Шестьдесят четвёртый - ух попёр!
Я уже не школьник, а шофёр.
По объектам „шпарит“ мой ГАЗон
и - бывает даже - среди зон.
Я вожу прораба и песок,
под сиденьем водится чаёк.
Что-то, там, из правил подзабыл
и гаишник дырку мне пробил.

Шестьдесят четвёртый... Что ещё?
Покидал Президиум Хрущёв -
говорили : был волюнтаризм.
И опять пошёл социализм.
Между делом были в эти дни
трое на орбите - не один.
В радости заходится страна:
скоро будет нашею Луна!

Шестьдесят четвёртый - боевой.
Всё в порядке - годен к строевой.
Словно пересылка - Княжпогост,
и куда-то поезд нас повёз.
Ну, теперь скорее уходи:
три зимы, три лета впереди,
бритые затылки под звездой,
старшина орёт: „подъём... отбой...“

Шестьдесят четвёртый вышел весь,
козырнув, ему я отдал честь:
я тогда у тумбочки стоял,
ровно в полночь сменщик прибежал.
Мы с ним „раздавили“ лимонад,
мы с ним пожевали шоколад,
мы с ним проорали под конец:
„Шестьдесят четвёртому - пиздец!“

Январь,1994 - апрель, 1995.
Мёнхенгладбах.

* * *

Врачи 2.

Врачей мне нежненьких не надо,
Врач грубый - тоже не награда.
Он вперит в вас холодный взгляд:
„Что, Вам уже за шестьдесят?
Ничто не может длиться вечно -
Ведь мы болезни только лечим.“
„Курили, пили - извините -
Вы что ж от доктора хотите!“
Кричит, хамит, скрививши рот:
„Раздеться - живо! На осмотр!“
„Что с головой? Я так и знал:
Там размягчение мозга!“
Отрежет ноготь ваш больной -
Ужастно, говорят, хоть вой!
„Ну, если б я вам делал больно,
Чего б топтались вы в приёмной!“
Ворчит он дальше, шутит грозно:
„Вы, милый, вляпались серъёзно!“
В конце безжалостно итожит:
„Тут вряд ли больше что поможет!“
Как человек, он просто скверный,
Но, зачастую, врач отменный.

Май, 1995.
Мёнхенгладбах.

* * *

Мясорубка, алюминиевая,
единственный образец в мире,
ГОСТ 4025.
Не мясорубка, а благодать!
Здесь таких не выпускают. Однако
можно купить у заезжих поляков,
которые торгуют матрёшками,
икрою и деревянными ложками,
прицелами и нивелирами,
и средневековыми секирами.
Сделайте себе подарок
всего за пятнадцать марок.
Машинка, конечно, грубая,
но мясо любое рубит.
Тутошние намного изящнее,
а не „любят“ кости и хрящики.

Май, 1995.
Мёнхенгладбах.

* * *

Пошёл к реке я как-то летом,
магнитофон с собою взял.
Ворона каркала на ветке -
я, взял, её и записал.

Кассету отмотал обратно
(всего-то там минуты три),
включил: послушай-ка пернатая
свой собственный вороний крик.

Она чуть с ветки не упала -
пишу, ей Богу, что видал :
она кругами залетала,
и каркать как-то жутко стала,
как будто бы кого пугала,
иль кто её перепугал.

Я с полчаса крутил ту плёнку -
от бедной, аж, струился пар.
Ушёл, но слышалось вдогонку
устало-хриплое „каррр...каррр“.

Что там за злые были шутки
в её же собственных „речах“?
Вон, как на самом деле жутко
себя подслушать невзначай.

Июнь, 1995.
Мёнхенгладбах.

* * *

Под надзором.

Почуял некто как-то раз,
Что Бог с него не сводит глаз:
Отсюда в сердце и желудке
Недомогание, как будто.
Он в страхе молит, просит Бога,
хоть пять минут его не трогать:
И без надзора он, один,
Примерный будет господин.
Но Бога он не убедил,
И тот весь век его хранил!

Июнь, 1995.
Мёнхенгладбах.

* * *

Неудача.

Мужчина в городе гуляет
И часто голову теряет
От женщин, что проходят рядом,
Вокруг „разбрызгивая“ взгляды.
И он уже мыслишку гложет:
Ведь, запросто случиться может,
Что чувствами любви полна,
Из ангельских существ одна,
Презрев обычаев барьеры,
К нему приблизится, к примеру.
Едва он мысль свою закончил,
Забилось сердце быстро очень -
Увидел, что к нему направилась
С улыбкой на лице красавица.
Чуть покраснев, сказала мисс:
„- у - у - у - здуфыу ?“
Мужчина ж языков не знал
И прочь стыдливо убежал.
Мораль: на кой нам ангел тот,
Что по-английски лишь поёт!

Июнь, 1995.
Мёнхенгладбах.

* * *

Врачи 3.

Тем и другим я дам отвод.
Вопрос ваш: „Кто же подойдёт?“
Ответ мой будет очень скор -
Их, слава Богу, большинство!
Чтоб не был врач чрезмерно нежным,
Не коновалом, не небрежным,
Не слишком шибко озабочен -
Порядочный чтоб был короче.
Естественно, хороший медик,
Слуга людей - не только денег.
Пока нас хвори не печалят,
Мы часто шутим над врачами.
Но, вот, пришла пора страданий
И - сразу к доктору посланье:
Не важно, в слякоть, или в полночь,
Приди, Спаситель, нам на помощь.
И он идёт не ради денег,
А заставляет долг сильнее
(В тот час он сладко может спать)
Себя с постели поднимать.
Округа в нём души не чает,
Он людям тем же отвечает.

Июль, 1995.
Мёнхенгладбах.

* * *

Не замажешь память йодом -
вытекает будто в щели.
Для того „сгорают“ годы,
чтобы „угли“ долго тлели.

То ли в лето, то ли в осень,
расстоянья одолея,
съездишь, „хворосту“ подбросить,
чтобы стало чуть теплее.

Тыщи вёрст уж не помеха -
с багажом бы не таскаться.
Жаль, что не на чем доехать
в мир, где было восемнадцать...

Июль, 1995.
Мёнхенгладбах.

* * *

Охота 7.

И тянуться те краткие мгновенья
от озера, сквозь годы, до сих пор...
Трещат в огне отволглые поленья,
заварен чай, дымится суп-кондёр.

Готовы кружки, колбаса и сало,
и разговор пошёл тому под стать:
что на воде сидело, что летало,
и что в подранки следует списать.

«Сегодня я охотою доволен:
две кряквы, три чирка - куда ж ещё!
Патронов двадцать расстрелял - не более!?
Чирков - в котёл...» «А кряквы?» «На отчёт.

Ну и заря была сегодня - чудо!»
«Я б не сказал?» «Нет, честно, - хороша!
Ты что, совсем без уток?»
«Ах, откуда...» «Стрелял, хоть?»
«Два, почти, патронташа!»

«Ты просто так палил, что ль для порядка?
Кто ж попусту дырявит белый свет!»
«Всему виной моя пятизарядка:
нажмёшь курок - и пять патронов нет.»

«Да, это ружьецо для хладнокровных;
мне больше вертикалка по нутру.»
«Ребята, суп готов, сдвигайте брёвна,
а я пока посуду чуть протру.»

«Денёк сегодня словно по заказу!
Тьфу... тьфу... не сглазить бы!» «Кому твой нужен глаз!»
«Где там коньяк? Давай его, заразу!
Гляди, пять звёзд - всем по одной, как раз.»

«Ну, мужики, с открытием охоты!
За всё хорошее, за каждого из нас!
За эти, вот озёра и болота,
за это утро, и за этот час!»

«Во, «чешет», как с трибуны, на собраньи!»
«Язык подвешен, выступать мастак.»
«А я сейчас заговорю стихами...»
«Валяй, стихами.» «Вот, примерно, так:

«И был бы мир немножечко поуже,
и ближе горизонт и небосвод,
без этой, как мы называем, лужи
размером «сто, примерно, на пятьсот».»

«Сам что ли эти вирши накарябал?»
«От красоты вдруг в голову пришло.»
«...я на него истратил семь зарядов,
а он опять ныряет - хоть бы что!

И, главно дело, точно «накрываю»,
а он опять выныривает, гад!
«С нырками это запросто бывает.»
«А я сегодня поглядел «театр».»

«Мы всякие «спектакли» тут смотрели,
аж, дробь, бывало, сыпалась с небес!»
«Нет, слушайте,- театр на самом деле!»
«Валяй, трави - проявим интерес.»

«Так, вот, стою я со своей «берданкой»,
комарики пикируют в лицо...
За озером - красивая полянка,
и клином начинается лесок.

Кручу башкой, держу ружьё на взводе,
чирок шмыгнул, я стрельнул - не попал.
Смотрю: из-за леска мужик выходит,
раз-два шагнул, качнулся и упал...

Прошло уже минут, наверно, двадцать,
а он лежит всё так же на спине.
А в чём там дело - мне не разобраться:
там лужа метров тридцать в ширине.

Вот, думаю, же наказанье Божье -
никак, ведь до него не добежать!
Уж, полчаса прошло -ну, сколько можно
вот так, вот, на сырой траве лежать.

А вдруг сердчишко прихватило сразу,
иль кто случайно дробью зацепил?
Ведь, всякие слыхали мы рассказы -
я тоже с «двух нулей» туда палил.

А тут над лесом закружилась стая,
естественно - пошла пальба ей вслед...
Смотрю: живой, ружьё как кол поставил
и строго вертикально дал дуплет!

Он раз десяток выстрелил, её Богу:
чуть полежит, зарядит и - опять!»
«А, может, он в натуре звал подмогу?»
«Потом он песни начал распевать!»

«И что смешного?» «Ты представь картину:
лежит и из ружья стреляет ввысь!...»
«...я только там кусты успел раздвинуть,
три кряквы с лужи, сходу, поднялись.

Разок крутнулись и заходят снова;
я эту влёт красивенько подбил...»
«...представьте: глушь и озеро лесное...
там этих уток было – пруд пруди!»

«...две «сереньких» у берега торчали:
я - эту сходу, эту - влёт, потом...»
«Ребят, кому не лень, поставьте чайник,
заварим-ка «индюху» со слоном.

«Я что-то переел - аж, до икоты,
в носу и то нет сил поковырять!?»
«...но самая весёлая охота
на «чёрных» в середине октября.»

«Скорее! Ружья! Подлетает стая!»
«Манком покрякайте! Зовите их манком!»
«Пустое дело - высота какая...»
«Стреляйте же!... Мазилы!...» «Далеко...»

«Такие кряквы были - прозевали!»
«Так, высоко ж летели - метров сто.»
«Какие - сто? Пять... Шестьдесят - едва ли!
Вам - всё бы лёжа, да из-под кустов.»

«Ты успокойся, парень, выпей сотку...
Что перед этим я хотел сказать?»
«Что самая весёлая охота...»
«...на «чёрных», в середине октября.

Выходишь в пять, рот пялится в зевоте,
прохладный воздух задевает нос.
Поспать бы пару часиков в субботу -
не спится, будто чёрт тебя понёс.»

«Тент задубел...» «... как будто лист пластмассы.»
«Кой-как свернёшь, раздёргаешь «Вихря»
и покатил по тёмной мокрой массе...»
«Частенько всё на свете матеря!?»

«Уж, это точно - холод скулы сводит.»
«И снег идёт, бывает.» «И шуга.»
«А ты «пили» к большим речным разводьям,
где в стаях утки чёрные сидят.»

«Вот, тут азарт приходит - жарко станет,
забудешь и про холод и про снег.»
«По двести-триста штук бывают стаи:
уж, погоняем - хватит нам на всех!»

«Да, то - азарт: аж, прошибает потом!»
«...тихонько к стае, самый малый газ.
А морды, морды в сторону воротим!
Глядите, утки, - дела нет до вас.»

«Про морды это ты подметил классно!
Да, их не так-то просто обдурить!»
«Не ем я «чёрных» - рыбой пахнет мясо.»
«Так, надо ж навигацию закрыть.»

«Глянь, этот спит, что «завалил» пять пташек.
Вздремну и я минут пятьсот-шестьсот.»
«А мы пойдём искать подранков наших -
хоть парочку бы уток на отчёт!»

Март - июль, 1995.
Дюссельдорф.

* * *

Охотничья зорька.

Ах, это ощущенье первой зорьки -
как выброс из смолистых дров огня,
который распаляешь потихоньку
все триста шестьдесят четыре дня!

Как славно - ничего не помешало:
ни жёны, ни начальство, ни болезнь...
Трясёт азарт на все двенадцать баллов
по персонально пригнанной шкале.

Теперь ты здесь, от четверга не спавший,
в границах плотной временной дыры,
стоишь и бьёшь, как с облаков упавших,
почти зверей, по кличке комары.

Как прежде, тут, под тихой веткой ивы,
заметно изменившейся за год,
всё так же терпели... нетерпеливо
ты ждёшь, когда начнётся перелёт.

Роса прильнула к стебелькам осоки,
и растворяться вдаль туман плывёт,
а сзади, за спиною, на востоке
чуть горизонты высветлил восход.

Вода заметно стала серебристой,
раздёрнулась безоблачная высь...
Вот, где-то гулко хлопнул первый выстрел:
ну, наконец-то, - началось, кажись!

И ружья разом стали суетиться,
от торопливо спущенных курков...
Вдруг, рядом шумно пролетела птица.
Стволы - туда! эх, поздно - далеко...

И справа, из-за рдеющей осины
рванулись, словно тени, утки ввысь!
Удар в плечо, ещё удар и.... мимо!
Ну, успокойся же, не суетись!

Вот стая кружит, гнётся на подходе.
Не горячись... не торопи курок.
Прошили воздух тридцать граммов дроби
и кто-то рядом крикнул: „Молоток!“

Июль, 1995.
Дюссельдорф.

* * *

Река.

Привыкли мы, как привыкают к окнам,
что связывают внешний мир и быт,
к тому простому факту, что под боком
река с названьем Вычегда бежит.

Идёт наш год, на четверти разбитый;
а у реки сезонов только два:
пять месяцев вода её открыта,
семь месяцев закована во льдах.

Семь месяцев её нам не хватает -
мы словно дети ждём весны приход,
и радуемся, как река ломает
скрипящий от бессилья толстый лёд.

А дальше - навигация, работа,
когда, вбивая в плоть её винты,
урчащие суда речного флота
таскают длинномерные плоты.

„Потёк“ сезон - лови его в пригоршни -
запели звонко на реке „Вихри“:
подёргай непородистых рыбёшек,
попей винишка и поешь ухи.

Ведь, в жизни всё обсчитано искусно -
всему „нарезан“ календарный срок:
мы прежде чаще ездили вдоль русла,
с годами стали ездить поперёк.

Один „остыл“; другой в начальство вышел,
купил машину; третий дачу взял;
четвёртый свой „Прогресс“ отдал детишкам.
И, наконец, - бензин подорожал.

Мы ей молитвы не читаем хором,
но к радости языческих Богов,
мы иногда ей жертвуем моторы,
отбитые об кромки топляков.

Июль, 1995.
Дюссельдорф.

* * *

Боря Федюшкин,
детдомовский переросток...
Мне было четырнадцать,
ему - семнадцать с хвостиком.
Небольшого роста, черноволосый,
без очков - слепой,
часто мучали приступы -
что-то было с головой.
Он учился по два года
в каждом классе
и был играть на баяне мастер.
Он имел удивительный
абсолютный слух:
просто хватал мелодии на лету.

Вот, он слушает,
шевелит пальцами,
потирает виски,
царапает подбородок,
потом играет в одну ноту,
потом - с вариациями,
и, наконец, с вариациями и
раскатистыми аккордами.

Мы часто исполняли втроём
„Коробейники“, фокстроты и румбы:
он, я и заведующий
сельским клубом.
Умел он ещё подражать
голосам животных всяких,
а лучше всего -
лаять, ну, прямо, как собаки.
Всем хотелось
послушать это непременно -
так, он, бывало, и лаял
целые перемены.

боря приходил к нам
в гости постоянно
(от детдома до деревни -
полтора километра),
мы садились на крыльцо
и играли на баяне,
пели песни и
сельские куплеты.

Потом он закончил
семилетку, помню,
и недолго работал массовиком
в детском доме.
был у него и „роман“ -
влюбился в математичку очень,
за что был её мужем
чуть не поколочен.
(Мужики отговорили, знать, -
мол, больной, что с него взять.)
Мы дружили
около трёх лет с ним,
потом разъехались
каждый свою дорогу месить.
Слышал, в каком-то сельском клубе
он музыкальной частью заведовал,
ведь, баян был для него
единственным куском хлеба.

Июль, 1995.
Мёнхенгладбах.

* * *

Генка Питинин -
не надо в памяти рыться:
мы вместе учились
с девятого по одиннадцатый.
Жили почти рядом
на городской окраине,
шли каждый день в школу
утром рано,
и из школы, обратно, -
после обеда.
О всякой всячине
вдвоём беседовали.
Я увлекался физикой,
как тогда многие,
Генка мечтал
о путешествиях и геологии.
(Во время летних каникул
дважды
он работал в экспедициях
на Тиманском кряже.)

Но судьба
другое приготовила ему:
неожиданно умер отец -
главный инженер СМУ.
Мать с горя
беспробудно запила,
и семья на глазах развалилась,
как не была.
Сёстры вырастали
своим чередом,
выходили замуж
и покидали дом.
Он остался один с матерью,
работал;
потом нас забрали в армию -
в шестьдесят четвёртом.

Я увидел его
через три года снова
и узнал,
что он из армии был комиссован.

Начиналась служба
вполне обычно...
Шесть месяцев учебки...
Получил лычки...

Как-то - он рассказывал -
шли в столовку,
он поскользнулся на гололёде
и упал неловко.

Неловко -
слово не совсем подходящее:
он разбил затылок -
по настоящему.

В госпитале, за полгода,
с трудом выходили парня.
Выжил,
но потерял начисто обоняние.
Мне, говорил,
что стакан водки, что стакан чая -
разницы никакой не замечаю.

И пошло-поехало
через пень на колоду:
стал пить он вино и водку
словно воду.
В экспедиции
уже не хотелось самому,
устроился работать
компрессорщиком в СМУ.

Казалось, что жизнь его
и так порвана в клочья,
но судьба решила поставить
последнюю точку.
Может, и не точку,
а какой-то свой знак.

Всё произошло
так:
ехали они на мотоцикле
(Генка сзади)
в послерыбалочной
естественной стадии;
обгон... встречная машина...
тормозов визг...
страшный удар...
два тела среди кровяных брызг.
Генка... Генка...
надо в памяти рыться.
Мы с ним учились
с девятого по одиннадцатый.

Август, 1995.
Дюссельдорф.

* * *

Охота 8.

Петляет Вычегда - курьи, да повороты,
теченье брёвна встречные несёт.
Закончилось открытие охоты,
Другой раз будет только через год.

Покатят числа дальше круг за кругом,
но мы из кучи пересохших дат
когда-то вытащим при случае друг другу:
«А, помнишь, как охотились тогда...?»

«Скажи мне лучше, что ты друг любезный
жене предъявишь, как придёшь домой?
Другой-то раз не пустит.» «бесполезно!
Я с пустом-то бываю не впервой.»

«Тут дело принципа.» «Что принципа - то ясно.»
«Скажу: «Подранки!» «Скажешь. А пока
возьми, вот, эту парочку бекасов.»
«А у меня возьми ещё чирка.»

«Теперь - порядок, и у всех - добыча;
у каждого есть птички на отчёт...»
«Моя, положим, пишется в кавычках.»
«бывает - хуже. В жизни повезёт.»

«А, зорька-то была!» «Ещё б такую!»
«Век с озера б, ей-Богу. не ушёл!»
«Через неделю рвём на боровую.»
«На боровую - это хорошо!

Люблю ходить по моховым угодьям,
в охотничьей избушке ночевать.»
«Избушка - это редкость на сегодня:
последнюю сожгли, едрёна мать!»

«Эх, жалко.... Кто ж, зараза, хулиганит?»
«Известно лишь тому, кто подпалил.»
«Слышь, мужики, а может быть пристанем,
пожрём немного, наберёмся сил.»

«Неплохо бы, да, мы ж всё смолотили.»
«Остался хлеб - немного...» «Сухари.»
«Тут есть две банки прошлогодних килек.»
«Чаёк - грузинский - можно заварить.»

«Переживём - не дальняя дорога:
тут ходу- то - не болше, чем на час.»
«Хотелось посидеть ещё немного...»
«Успеешь - ты же в отпуске у нас.»

«Да! Завтра отосплюсь. Схожу на дачу.
Попарюсь в баньке. Вычищу стволы.
А после завтра - еду. Порыбачу
и поохочусь! Так - то, вот, орлы!»

«А мне мой отпуск - прогулял немного -
решили на декабрь перенести.»
«Так вас, прогульщиков, и надо! Строго!
Придётся шефа вашего просить?»

«Не сможет ничего он там поправить:
профком решил, бригада, коллектив.»
«Эй, рулевой, прими немного вправо,
а то заедешь прямо в топляки.

Однажды здесь я полвинта оставил -
пришлось потом на сломанном ползти.»
«Ребят, глядите, над рекою стая!
большая....» «... и красиво как летит!»

«Гляжу на них и каждый раз, как заново.
Стрелять с годами жалко стало аж!
Куплю фоторужьё, с ним ездить стану.»
«А это по-дешёвке мне продашь!»

Июль, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

Искусство.

Вот, некто, вдохновенья полн,
Три года пишет полотно.
Кончает, говорит: „О, да!
Тут много вложено труда!“
Но зря бедняга столько бился -
Труд никому не пригодился.

Август, 1995.
Мёнхенгладбах.

* * *

Ненужные новости.

Раз некто прессу прочитал.
„Как сложно в мире всё!“ - сказал.
Поскольку так идёт с Адама,
На кой читаем этот хлам мы!

Август, 1995.
Мёнхенгладбах.

* * *

Предложение.

Хоть знает человек давно,
Что в мире всякого полно,
хоть чует на горбу своём,
Что в реках горя мы живём,
Всё ж, часто миру поперёк,
Пожить он хочет так: как Бог.
В итоге - в этом весь вопрос -
Он подыхает словно пёс.
Он должен научиться будет
И жить и умирать как люди.

Фвгуст, 1995.
Мёнхенгладбах.

* * *

Зубной врач.

Не всяк под нами стул хороший,
Чтоб посидеть уютно можно.
Побыть в крапиве, скажем честно,
Приятней, чем в известном кресле,
Где врач зубной, нас принимая,
талант свой ярко проявляет.
Он скажет, шуткою довольный,
Что будет нам почти не больно.
Но под прогнившей старой пломбой
Наткнётся он на катакомбу,
Что - чует он через крючок -
В неведомую даль влечёт.
жужжа уютно бормашиной,
К больному нерву поспешит он -
Глядите, где душа примолкла!
Потом берёт свою иголку,
Которой враз докажет нам,
Какая боль таится там.
Но мы доказываем тоже,
Что внешне-то железа твёрже.
Потом, как то и то доказано,
Приступит врач к последней фазе.
Прикроет золотом заплатку
И мы, глядишь, опять в порядке:
Слезинки быстро вытираем
И рот без страха открываем,
Который - разве я шучу -
Дрожа, казали лишь врачу.

Август, 1995.
Дюссельдорф.

* * *

Однозначное решение.

Хирург, ведь, много не мудрит:
Тебя разрежет, поглядит,
Зашьёт опять кривой иглой
И гарантирует покой.
Пройдёт успешно - на года,
А безуспешно - навсегда.

Август, 1995.
Мёнхенгладбах.

* * *

Гомеопатия.

Здоровье поправлять удобно,
Леча подобное подобным.
Лечебный же набор таков:
Часы, двенадцать пузырьков,
И плюс терпенье, так сказать,
В час по три капли принимать.

Август, 1995.
Мёнхенгладбах.

* * *

Новые методы.

Известным очень просто стать -
Систему надобно создать!
Найди на грани бреда что-то:
К примеру, всё лечить помётом.
Скажи, коль тёплым рану смазать,
Уйдут болезни и заразы;
И что оно в краях ацтеков
Всегда имелось в их аптеках.
Хоть клоуном тебя, беднягу,
Пусть обзовут. Назад - ни шагу!
Потом найдётся - кто невесть -
И скажет: что-то в этом есть.
И хлынет молодёжь в твой лагерь,
И лозунг твой: „Дерьмо - есть благо!“
Научно строго обоснуют
И масс доверье завоюют.

Август, 1995.
Дюссельдорф.

* * *

Апендицит.

Торчит он в тёмном чреве брюха,
Совсем слепой и тугоухий,
Ненужный никому червяк,
бездельник и большой дурак.
И оттого он, может быть,
Мечтает нрав свой прявить.
Но о противном нраве том
Мы слишком поздно узнаём,
Поскольку формой проявленья
Избрал он само-воспаленье.
Как усмирить его? А просто:
Чик - ножичком и - нет отростка.
И без апендикса потом
Мы очень хорошо живём.

Сентябрь, 1995.
Санта Сусана.

* * *

Домашняя аптечка.

Кто в наше время не хворал,
И доктора домой не звал.
Осмотрит он, уйдёт от нас,
Оставив множество лекарств.
Часть - примем, часть на всякий случай
Кладём мы год за годом в кучу.
В том складе жуткий беспорядок:
В клубках из бинтиков и ваток,
Пакетов, тюбиков и крышек
Лежат - их днём с огнём не сыщешь,
Среди предметов и стекляшек,
Незнамо как туда попавших -
Те (знаем точно - те !) таблетки,
хоть не понять по этикетке:
Какие.... сколько... как... когда,
Что помогают нам всегда.
И, выудив из этой каши,
Чем прошлый год лечили кашель,
Мы пьём, когда кишечник пучит
И чувствуем, что стало лучше.
Болезни ж надо дать понять,
Что нас врасплох нельзя поймать,
Что ей не прошмыгнуть барьеры,
Воздвигнутые нашей верой.
Так служит нам аптечный ящик,
Остатки от лекарств хранящий.

Сентябрь, 1995.
Санта Сусана.

* * *

Тыкают клавиши пальчиками,
как-то небрежно и просто,
компьютерные мальчики
середины девяностых.

И компьютерные девочки тоже
им ни в чём не уступают,
делают всё, как положено,
только детей не рожают.

В квартирах собачки и мурки
живут без нужды и без горя.
Едут в Европу турки,
которых в Турции - "море"!

Октябрь, 1995

* * *

Улетают гуси на юга,
значит север засыпает снегом,
значит там уже метёт пурга
и вода пристыла к кромке берега.

Режут клинья серую печаль
над полями и над перелеском
и плывут в неведомую даль
инстинктивно им одним известную.

Падает с высот прощальный крик,
будто бы немного виноватый,
и людей хоть на короткий миг
позовёт зачем-то и куда-то.

Всколыхнёт, как крепкое вино,
и захочешь что-нибудь такое...
Лишь захочешь - сделаешь одно:
медленно помашешь вслед рукою.

Скроет клинья горизонта мгла
и зима в затылок вдруг задышит,
захлестнут обычные дела,
словно стайки серых воробьишек.

Ноябрь, 1995.
Дюссельдорф.

* * *

Я плохо помню Воркуту:
немного - тундру, терриконы,
и севшие на мерзлоту
то ли посёлки, то ли зоны.

Лицо сжимающий мороз,
метелей сиплые раскаты,
и дважды в год под стук колёс
пять дней - туда, и пять - обратно.

Однообразие зимы...
Разнообразие фамилий...
Неясный смысл чужой вины
в соседстве с проволочной былью.

Лишь память встроит иногда
в похожесть улиц пару зданий,
в движенье встроит поезда,
во тьму - полярное сиянье.

Февраль, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

Тропа
в бору - беломошнике
километр превращает
в версту,
иди по ней
осторожно -
не спрямляй
её красоту.
Тишина
в уши прёт,
рассасывая звуки
без остатка,
только изредка
прогудит самолёт,
ещё не думающий
о посадке.
Муравейники,
заячий помёт,
паутинки умывают
лица.
Хрустнет ветка
и - шумный взлёт
зазевавшейся у пенька
птицы.

Брусника
на солнце горит:
что там сахар -
намного слаще.
Бородами трясут
глухари
в непролазных
лесных чащах.

Там закончится
белый бор
и тропа
вдруг себя отломит.
В бурелом уведёт
Яг - морт -
Бог лесов у народа
коми.

Февраль, 1996.
Мёнхенгладбах.

* * *

Было время...

Было время простых магазинов,
двести в месяц - хоть бей баклуши,
было время дешёвых бензинов
и всего понемногу на душу.

Что-то в планах случилось, в поставках,
и с отходами пушечной прорвы:
появились тогда на прилавках
подвесные - для лодок - моторы.

Из закрытых цехов их нам вывезли,
из „почтовых ящиков“ прямо.
были шустрые, были капризные,
ну, а лучшие были „Вихрями“.

Не сказать, чтобы очень, уж, сильные -
двадцать пять „лошадёнок“, но всё же,
как „Калашников“ были красивые,
и такие же были надёжные.

Где-то били рекорды „Ямахи“,
где-то „Джонсоны“ рвали воду.
Мы смеялись: „А ну их на фиг -
это всё не для наших угодий !“

Работягам не к гордости глянец:
по весне, как оттают лужи,
мы цепляли его на транец,
протерев для порядка снаружи.

А в горячую летнюю пору,
чтоб дышалось цилиндрам чуть легче,
мы ему прочищали зазоры
и сбивали нагар на свечах.

Мы „сажали“ его на мелкое -
он орал, выбивая румпель;
но возил нас и пьяных в стельку,
а, бывало, и вовсе - в дупель.

Покатались, уж... Всё миновало,
провалившись во времени бездну.
В магазинах всего навалом,
а „Вихри“ из продажи исчезли.

То ли мода пошла на фрегаты,
только будто на смех околотку,
прогудит по реке виновато
одиноко-усталая лодка.

Годы стали ночей короче,
но мне кажется - слышу поныне
самой светлой июньской ночью
гул „Вихря“ на речной стремнине.

Что-то чудится в звуках бродячих
на урчаще - раскатистой ноте...
Как „Калашников“ был он удачный,
только тот - до сих пор в работе.

Февраль, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

Это я что ли...

Это я что ли вырос в деревне
под уютом соломенных крыш,
где в полях растекается время
и не слышится слово : Париж?
Это я что ли там под окошком,
прицепив на фуражку сирень,
раздирая меха у гармошки,
шпарил „барыни“ в Тихонов день?

Это я что ли здесь очутился -
рассмеялся бы, прежде скажи;
умножаю какие-то числа,
и тоскливо гляжу в чертежи?
Это я что ли пользуя случай,
затыкая при случае „течь“,
жадным ухом ловлю на толкучках
промелькнувшую русскую речь?

Март, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

Р.б. в день рождения.
„Держись, геолог,...“
(из песни)

Здесь, у них, не раздольные степи
и не старые кедры в снегу -
здесь обычное солнышко светит
и побрита трава на лугу.

Тут не выспишься в мокрой палатке,
не прожжёшь сапоги у костров,
не присядешь на камень в распадке
средь поющих зверей - комаров.

И тропа, что вела к горизонту,
отвернула в обычный уют.
Впредь не будет ни длинных сезонов,
ни короткого слова: маршрут.

Не откатишь во времени задом -
только изредка в стыках ночей
вдруг почуешь далёкие взгляды
всё видавших на свете бичей.

Будут разные дни и погода.
Символ-бороду можно не брить:
жизнь везде, что земная порода, -
вечно надо искать и бурить.

Жизнь тебя в недра рынка втянула,
где работать локтями и ртом.
Покажи этим местным акулам,
как становится рыба китом.

Март, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

Дополнение, написанное
на другой день.

Да, и хрен с нею, с этой палаткой, -
ну, не вечно же стал бы в ней жить,
и еда - кое-как, в сухомятку, -
язву можно, ведь, было схватить.

И погода характер капризный
день и ночь показать норовит.
Заболел бы, глядишь, ревматизмом,
или носом поймал гайморит.

Ну, а что там творится с зарплатой !
Говорят, по шесть месяцев ждут...
Кстати, слышь, - в Люксембурге опята :
хоть косою коси - так и прут !

хошь, свожу? По багажнику хапнем -
там такие же, как по Москвой.
Только ты мне заранее звякни:
ты же знаешь - мне нужен настрой.

Ну, а если, случись, по уклону
память „съедет“ к подножиям скал,
постучи молотком по бетону -
он, ведь, тоже чуть-чуть минерал.

Март, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

Было время...

Было время: сел в «Прогресс»,
«Вихрь» завёл с пол-оборота,
и погнал, к примеру, в лес –
по грибы, иль на охоту.

За спиной гудит мотор –
низким голосом, солидно.
И глаза бурит простор,
и конца реки не видно,

и знакомые места...
Ветер ёлки чуть колышет:
там – вон, у того куста –
мы ловили окунишек,

там – варили суп - кондёр,
там – когда-то, что-то пили,
там – обычно, жгли костёр,
там – наверно, тоже были.

Двадцать лет – не пятьдесят:
дни вращаются без скрипа.
Сутки дёргаешь язя,
хоть с ангиною, хоть с гриппом.

Сутки мокнешь под дождём,
или жаришься котлетой –
плотный график утверждён
северным коротким летом.

Где-то встанешь в этот день,
выйдешь на берег пологий,
чтобы в этой красоте,
раствориться не надолго.

Чтобы в тихий вечерок,
чуть себя раззанавесить,
чтоб на вёрткий поплавок
глядя, выкинуть все стрессы.

Чтоб уха была остра,
чай - чифир дымился в кружке,
чтобы сизый дым костра
прочищал глаза и душу.

Март, 1996.
Мёнхенгладбах.

* * *

У природы простые законы
и для каждого есть, и для всех:
то, споткнувшись, летишь по уклону,
то как будто выносит на верх.

Это судеб волнуется синус
будто тело у длинных медуз.
Раз сегодня забросило в минус,
завтра - может быть - вытолкнет в плюс.

А не вытолкнет - будут копиться
к плюсу плюс, как рубли на счету,
чтобы в райских садах пригодится...
Если высадят в райском „порту“.

Апрель, 1996.
Мёнхенгладбах.

* * *

Пляж Каталонии тянется,
солнце кипит в перегрузке.
Каждый второй - испанец,
каждый четвёртый - русский.

Всё на песочках разложено,
и от лучей хорошеет:
девочек стройные ножки,
мальчиков крепкие шеи.

То ли партнёр, то ль охранник -
в золоте руки и уши.
Матом знакомо тянет
и над водой и по суше.

Крепко славянские мускулы
доллару в холку вцепились!
Ах, эти новые русские -
быстро-то как появились!

В ритмах страны кастаньетной
кажется - всё понарошку...
Бабье российское лето
молча копает картошку...

Апрель, 1996.
Мёнхенгладбах.

* * *

Граничный случай.

Был некто через чур умён,
Да так, что, аж, до боли он
Сумел увидеть наконец,
Что он в основе всё ж глупец.
Меж двух миров застряв, бедняга,
Где мудрость и где глупость рядом,
Заставил ум так криво мыслить,
Чтоб к дуракам себя причислить.

Апрель, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

Вкус жизни.

Порою трудно оценить
Как в жизни всё должно бы быть.
Но человек потом накопит
Такой необходимый опыт.
Он съест, как пищу в ресторанах,
Надежды сладость, соль обманов,
безвкусность быта, кислость службы -
Короче - всё, что было нужно.
А что за вкус у жизни был
Он и до смерти не открыл.

Апрель, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

Уловка.

Был человек так раздражён,
Что вдребезги разбил ружьё.
Когда он вновь в себя пришёл,
Лишь части от ружья нашёл.
Порой так хитро поступают,
Коль новое ружьё желают.

Апрель, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

12 апреля.

Апрель пошёл с козырной карты -
с зимой играет вместо марта:
то солнышко во всю сверкает,
то небо тучи закрывают...

Дни убегают табунами,
накоротке простившись с нами -
сквозь телевизор проскочив
и в летопись себя включив.
Каналы в комнату струятся:
второй, шестой, седьмой, двадцатый...

Чего-чего там только нету:
поют какие-то куплеты,
высказывают мненья длинно
про Боснию с Герцеговиной,
про безработицу и кризис -
как до конца столетья снизить,
какие выискать резервы...
Шестой, десятый, двадцать первый...
Пожар случился в Дюссельдорфе -
сгорел аэропорт и профи
в чинах и с маской кислой мины
анализируют причины...
Там - шоу. И на этом шоу
был продан нос Олег Попова.
(Один из тех, кто вечно ищет,
отдал за нос три с лишним тыщи -
он мог бы отвалить и больше.)
Другой канал - глава всей Польши
в Москву слетал: поговорить,
что им без НАТО не прожить.
Щелчок - бунтуют где-то массы,
ещё щелчок - проблемы мяса,
поскольку в Англии коровы
больны, бедняги, поголовно.
(И вновь чиновник с кислой миной
анализирует причины.)

Канал второй, четвёртый, пятый...
Опять - про расширенье НАТО,
опять Балкан мусолят тему,
слегка - чеченскую проблему.
Играют в теннис. бьют в ворота.
И рекламируют „Тойоты“.

И - ничего про тот апрель,
когда весёлая капель
катилась по сосулькам вниз,
и реки бурно разлились,
и солнце жарило проталины,
и мир гудел одним: „ГА-ГА-РИН!!!“.

Апрель, 1996.
Мёнхенгладбах.

* * *

Насморк.

При насморке - один вопрос:
Как он пробрался снова в нос?
Наука тысячи лекарств
Пытается найти для нас,
Но признаётся с бодрой миной,
Что ни одно не эффективно.
Назвать бы насморк в отомщенье,
К примеру, носоочищеньем.
Из всех же средств, что есть пока,
Нет лучше чистого платка.
Чтоб вы в достатке их имели
хотя бы первых две недели.
И надо, чтобы вы укромно
Сидели в это время дома,
А не гремели в людном месте
бесплатным духовым оркестром.
Рецепт: когда катар случится,
Терпеньем надобно лечиться.
Врач лишь осмотрит нос и рот
И гонорарчик с вас сдерёт.

Апрель, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

Портретик.
Ша – а-а-а!

Добро Вы сыплете спеша:
хоть золотом, хоть медью мелкой;
но не даёте ни шиша
родному мужу на похмелку.

Апрель, 1996.
Мёнхенгладбах.

* * *

Надежды.

Раз некто пьесу написал,
В издательство её послал,
И полный нетерпенья ждёт,
Когда ответ ему придёт.
А в ожидании мечтает,
Как пьеса сцену покоряет,
Как зазвучат слова приветствий.
Напишут: „Дорогой маэстро...“
И телеграмм пойдёт волна:
„Вас просит ставить вся страна!“
Приходят, правда, и мыслишки,
Что нет ответа долго слишком.
Но он живёт мечтою только,
В успех поверив, держит стойку.
Тут с почтой получает он
Свой труд с коротеньким письмом:
„Мы прочитали Вашу пьесу
С пре-преогромным интересом,
Но тема эта, к сожаленью,
Совсем не наше направленье!“
А он в мечтах ещё горел
И мысленно в Берлин летел,
Чтоб покорить его, как вдруг
был „приземлён“ на голый луг.

Апрель, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

Маленькая неувязка.

К мужчине - необычность в том -
Приходит женщина вдруг в дом;
А там, уж, место чин по чину
В момент - и по какой причине,
Иль в этом не было сомненья, -
Готово для грехопаденья.
Он руки бы развёл немножко -
Она б к нему скользнула кошкой.
Так, нет - оцепенев, стоит,
Поскольку был в тот день не брит.
И из-за мелочи такой
Произошёл короткий сбой;
Очухавшись, он стал нежнее,
Но миг безумья был развеян.
А от того, что всё не сразу,
Вернулся к даме снова разум:
Ушла, оставив с бородою
Его, хоть он напор удвоил.
С тех пор он бреется чуть свет,
Да, только дам пока что нет.

Апрель, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

Знаток.

В театре на одном из мест
Мужчина слушает оркестр;
В руках программа, взгляд надменный:
Ни дать, ни взять - знаток Богемы.
Волшебный звук ласкает слух,
Вселяет просветлённый дух.
А он всех раньше, до антракта,
В ладоши хлопает бестактно
И громко выдаёт округе
Соображения о фуге,
В конце вздыхая томно: „Ах!
Нет, он небесный всё же, Бах!“
Сосед метнул ему ехидно:
„В программе этого не видно!“
Глядит туда - аж брови поднял:
Играют Брукнера сегодня.
Знаток, что раздувался в нём,
Вдруг лопнул мыльным пузырём.

Апрель, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

Тянет Север. Ох, как тянет -
каждый день и каждый год.
Скоро там весна нагрянет
и начнётся ледоход.

Льдины поплывут ломаясь,
шебурша о берега,
расходясь, соединяясь,
убегая навсегда.

Снег пожухлый таять будет,
что остался под сосной.
И придут на берег люди
просто подышать весной.

Апрель, 1996.
Мёнхенгладбах.

* * *

Телепатия.

Коль исцелился, кто был болен,
Естественно, что он доволен.
И благодарность не случайно
Шлёт фирме, что торгует чаем.
Письмо послал в газету кто-то
И с комментарием и с фото.
В Саксонии живёт толстуха -
Семнадцать лет болело брюхо.
Теперь здорова, весела,
Поскольку ихний чай пила.
Мужчина пишет - город Данциг,
живёт на Шиллерштрассе цванциг -
Он здоровей сейчас быка:
Тем чаем вывел червяка.
Другой, добившись улучшенья
В системе кровообращенья,
Сказал, что результат отличный -
Он может спать вполне прилично.
Так без больших противоречий
На расстоянье чай их лечит.

Апрель, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

Препятствия.

У человека есть стремленье
Тотчас писать стихотворенье,
Да брать не хочется пера -
Стоит ужасная жара.
Сидит он, потный, словно тает,
жарищу эту проклинает.
Его как будто понимая,
Подходит туча грозовая,
бьёт дождик весело по крыше.
Сейчас, он думает, напишем !
Но, как сидел, так и сидит,
Лишь слушает как гром гремит,
Гадает, глядя за ограду,
быть, иль не быть сегодня граду.
Отгромыхало, отстучало -
Он всё сидит: смотри начало !

Май, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

Ответ.

Мужчина, получив нежданно
В письме отказ любимой дамы,
На кой сошёлся белый свет,
Обдумывает свой ответ.
В порыве зла, на грани срыва,
Он, словно бомба перед взрывом,
Такое написать ей хочет,
Что сразу же на тыщи клочьев
(Сколь яда то письмо всосёт !)
Порвёт она, коли прочтёт.
Пока ж выковывал он строки,
Негодованью вышли сроки.
Несчастный кротко пишет ей:
„Люблю тебя! Ну, стань моей!“

Июль, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

И вновь на улице темно...
Когда просторный день кончается,
опять фиксируешь одно,
что ничего не получается,

а, кажущееся простым,
становится на деле сложным,
как метр просёлочной версты
себя на поворотах множит.

Безжалостно сжигаешь дни
проев, пропив и проморочив,
и не отметив ни один
хотя б одной короткой строчкой.

Что пролистнул, а что прочёл
сквозь полусонные ресницы,
не успевая ни за что
извилинами зацепиться.

А осень уж морозит кровь
в такт человеческой природе.
И поздно пересеять вновь
всё, что не вышло в огороде.

Июль, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

Утки.

Конечно, есть диковинные птицы
на всяческих планетных поясах,
в чьих перьях отражаются зарницы
и ладятся оркестры в голосах.

Конечно, есть летающие выше,
Изящнее - тех в клетках бережём.
А что про этих сереньких напишешь,
коль карандаш становится ружьём ?

Лишь то, что вдруг дыхание прервётся,
когда забрезжит тихая заря,
и из кустов осоки донесётся
знакомое скрипучее „кря - кря“.

И ты замрёшь на первой хлипкой кочке,
забыв атаку комаров отбить,
пытаясь и похоже и не очень,
своё „кря - кря“ манком изобразить.

В ответ одна откликнется, другая,
зашевелится водяной уют,
а ты стоишь, от счастья замирая,
и ждёшь, когда поближе подплывут.

Ещё чуть - чуть... ещё немного... ближе...
Но как всегда бывает - хошь, не хошь:
оступишься вдруг в хлюпающей жиже
и тишину на клочья разорвёшь.

И тут же всё, что было в этом месте,
затараторит, крыльями забьёт,
и силуэты в воздухе развесит,
и ринется в стремительный полёт.

А там, уж, не бывает серединки -
за те мгновенья многое отдашь!
Бывает, что достаточно дробинки,
бывает, - маловат и патронташ.

Бывает, умотаешься за сутки,
ругаешь моросящий неуют:
на кой бы чёрт сдались мне эти утки,
вон, в магазинах куриц продают!

Потом обсохнешь и - опять прекрасно,
мешок готовишь на грядущий старт,
поскольку на охоту тянет властно,
приобретённый на года азарт.

Июль, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

Коротко о главном.

Детей нарожаешь,
деревьев насажаешь,
дом - готов,
пора на Friedhof.

Июль, 1996.
Мёнхенгладбах.

* * *

Пессимист.

Был некто мыслью потрясён,
Что с ним случится может всё :
болезнь, несчастный случай, скажем,
жизнь оборвут его однажды,
Глаз, ухо, горло, нос и почки,
желудок, сердце, печень - точно !
Кишки, сосуды, кровь и кости -
Перечисляет он со злостью -
И лёгкие, и мозг спинной
Отправить могут в мир иной.
Однажды что-то было с ним,
Но он остался невредим :
Здоров, не слеп и не горбат,
Вот, только ничему не рад,
Поскольку жизни угрожают
Такси, автобусы, трамваи,
бесшумные велосипеды,
Что втихаря вот-вот наедут;
Убийство, солнечный удар,
Гром, ураган, война - кошмар !
Земля, вода, огонь и воздух
Таят реальную угрозу.
И он, судьбы своей состав
На элементы распластав,
живёт сто лет, боясь всего,
Умрёт - не ясно от чего.

Август, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

Неравная борьба.

Влюблён мужчина средних лет,
Она ж молчит: ни - да, ни - нет,
Играет с ним, надежду сеет,
Как будто шансы он имеет.
И в нём надежда не увяла -
Коль в сердце ей зерно запало,
Не надо торопить и может,
Как жемчуг разрастётся позже.
Но, вдруг, нечаянной бедой,
Явился шёголь молодой
И - так шутливо, налету -
Он покоряет кралю ту.
Мужчина - жемчуг перезревший -
В борьбе с юнцом был потерпевший.

Август, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

Для моралистов.

Подумал некто: плохо жил -
Ошибок много совершил;
И стал себе вопросы ставить,
Как это можно бы поправить.
Тут, словно в старой сказке, вдруг,
Приходит фея для услуг,
И разрешение даёт
Исправить всё, что он найдёт.
Тот время даром не теряет,
Ошибки жизни убирает,
Но ощущает как-то сразу,
Что мудрость покидает разум,
Что хочется завыть истошно
От безошибочного прошлого,
Что в юность мысль не унесёт,
Поколько там исчезло всё.
Он понял: в мире есть ошибки
С одной лишь целью - совершить их.

Август, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

Слабый желудок.

Мужчина дома в поздний вечер,
В кругу друзей имевший встречу,
Чуть лжёт, упав на одеяло,
Что выпил он сегодня мало.
Пора уж спать, чтоб вышел хмель,
Да всё вокруг как карусель.
Он молит из последних сил,
Чтоб Бог ещё разок простил
И признаётся откровенно:
„Конечно, выпил я отменно.
Но больше в рот не буду брать -
Позволь сегодня мне поспать!“
Бывает, что молитвы - к месту,
Но, в основном, конец известный:
Вино, что сняло с нас заботы,
Желудок держит неохотно.

Август, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

Лесная прогулка.

Однажды некто на часок -
Так, побродить - зашёл в лесок.
На счастье, прямо у тропы,
Нашёл он чудный белый гриб.
Сорвал, в руке его несёт
С надеждой, что ещё найдёт.
Но не увидев ничего,
Решил: что пользы с одного,
Швырнул в траву, пошёл неспешно,
И, вдруг, второй нашёл - поменьше.
Подумал сразу: ни к чему
Опять один лишь гриб ему.
К тому же стало чуть смеркаться
И надо было возвращаться.
В серёдке леса, под осинкой,
Он третий чуть не сбил ботинком,
Сорвал его и с дикой страстью
Повсюду стал искать и шастать;
Облазил всё, что было можно,
Но третий был последним всё же,
Который он - усталый, злой,
В полуночь притащил домой.
Мораль здесь следует рассказу:
Нам счастье нужно всё и сразу.
А долька счастья всякий раз
Лишь только раздражает нас.

Август, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

Печь.

Похолодало. Некто печь
Решил по-осени разжечь.
Газетку сунул вниз сперва,
Потом наверх сложил дрова,
Поджёг, уселся на диване,
Надеясь - не без оснований,
Что скоро захрустят поленья
И из печи теплом повеет.
Поздней в огонь он уголь кинет
И жар в жильё потоком хлынет.
Но всё пошло не так как нужно -
Лишь выплыл едкий дым наружу.
Он терпеливо - безусловно,
Себя считая в том виновным -
Дровишки уложил ровнее,
Но стала печь дымить сильнее,
Шипя драконом прямо в залу.
Соседа - печника позвал он.
Тот долго говорил бедняге
О новостях, о слабой тяге,
О климате, решётке ржавой,
Что можно бы сменить, пожалуй...
А дальше дело было так:
То ль от осмотра знатока,
То ли в трубе расширив дырку,
Печь прекратила дымом фыркать.
Чтоб человечий гнев понять,
Всё можно снова прочитать.

Август, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

До чего же ты не ухоженный,
не причёсанный, не промытый.
Всё: набросано – не уложено,
и на полочки не разбито.

Не совсем здоров – без сомнения,
червяками сомнений источен.
Пребываешь ты в запустении
и не ясно, чего ты хочешь.

Забредёшь в тебя – заплутаешься:
будто леший в лесу закрутит.
Измотаешься и намаешься,
не найдя ничего по сути.

Сентябрь, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

За пятьдесят – конечно, старый:
зубами комплексов зажат;
мозги расстроенной гитарой
не издают, а дребезжат.

Сентябрь. 1996.
Мёнхенгладбах.

* * *

Листья с веток уже облетали,
добавляя на землю жёлтое
и в падении тихо шептали,
что ещё одно лето прожито.

И туман, ни чему не переча,
делал воздух моюще - влажным,
укрывал ненужные мелочи,
оставляя самое главное.

Октябрь, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

Осторожно!

Мужчина в городе чужом,
Где никому он не знаком,
Осмелился - кого стесняться -
В носу чуть-чуть поковыряться,
Подумав, что не страшно здесь
Побыть не тем, какой он есть.
Тут, правда, вспомнилось одно,
Прочтённое давным - давно:
„Есть в мире вездесущий глаз,
Который всюду видит нас!“
Но он не стал в мысль углубляться
И продолжал в носу копаться.
Но, вдруг, - хоть провались - зовут:
„Ах, доктор наш! Вы тоже тут!“
Мужчина, покрасневший весь,
Стал вмиг таким, какой он есть.
Мораль: пред Божьим Оком так
Предстать случайно может всяк!

Ноябрь, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

Всегда некстати.

Жарою человек измучен
И молит, чтоб из синей тучи
Вдруг хлынул дождь прохладным душем -
Ведь солнце третий месяц сушит.
Вот, наконец, погода скисла,
Густые облака нависли,
Льёт дождь и молнии грохочут.
А он! Опять чего-то хочет:
Пусть перестанет поливать
И выйдет солнышко опять!
Смерть, кредитор и непогода
Всегда некстати к нам приходят -
Так специально выбрав час,
Что неудобен он для нас!

Ноябрь, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

Портретик.
Во – о-о-о !

Пустой, как тысяча бочонков –
на барабанах бы играть,
сам у себя сидишь в печёнках,
чтобы хоть как-нибудь писать.

Ноябрь, 1996.
Дюссельдорф.

* * *

Порядок.

Решился как-то бедолага
В порядок привести бумаги.

На стол, на стулья, подоконник
Ложатся стопки всяких хроник,
Бумажек - каждой надо точно
Найти её первоисточник
И всё собрать согласно темам
В определённую систему.
Для выполненья ж сей задачи
Был кабинет не предназначен:
И скоро всюду, вплоть до ванной,
"Текли" бумажные барханы.
Лишь в пику новому порядку
Из кучек, листиков и папок,
Везде лежащих бестолково
Со строгой надписью: "Готово!",
Один пакет - как он ни бился -
В ту схему точно не ложился.
Герой наш, столь истратив сил,
Устало руки опустил,
Почти на финишной прямой
Прервал здесь труд гигантский свой:
Как было, снова всё сложил,
Признавши: хаос победил!

Ноябрь, 1996
Дюссельдорф

* * *

Глотаю липкую слюну
в инстинкте местного безделья
уже на сборничек "тяну",
хоть, признаю, что еле-еле.

Шесть лет болячку теребил,
лепил, прилаживал "заплаты",
"охотился", переводил...
Теперь приткнуть бы всё куда-то.

Шесть лет взрывало, как сосуд
избыточным давленьем пара.
Сейчас, похоже, что – капут:
Осталась лишь пустая "тара".

Март, 1997
Мёнхенгладбах

* * *

Когда - контакт аурой об ауру -
вселенные на дрейфе к катаклизму,
фиксируют молчанья процедуру
разряды биотоков в организмах.

Река из слов морожено застыла.
Но, вот, одно, "отколотое" с мукой,
споткнувшись о неведомую силу,
разбито распадается на звуки.

Апрель, 1997
Мёнхенгладбах

* * *

Местный анекдот.

Совсем недавно – может, в прошлый год –
Мне немец "выдал" местный анекдот.

Мужчине в возрасте, включающем войну,
без всяких – в лоб, а может – в седину,
вопрос был задан докой-журналистом:
"Скажите: в прошлом были Вы нацистом?"

Ответил он, очёчки отложив:
"Нет. Я всегда критиковал режим.
Боролся с ним... Вы путаете что-то!"

"А, вот, глядите: старенькое фото,
которое в архивах отыскали.
На митинге Вы тут, в каком-то зале.
Рука призывно выброшена вдаль...
И рот кричит знакомое: "зиг хайль".

"Я помню, хоть прошло уж столько лет:
зашёл послушать этот ихний бред.
Послушал. Посмотрел. Всё стало ясно,
и с этой бандой в корне не согласный,
я поднял руку и сказал тогда:
"Постойте! Вы не правы, господа!"

Апрель, 1997
Мёнхенгладбах

* * *

Уж, возраст давит тупо,
поймав меня в захват.
А я такой же глупый,
как тридцать лет назад.

Май, 1997
Мёнхенгладбах

* * *

Чтоб рифма была очень точная,
слова – как вибрации жил;
и жизнь чтоб была не заочная,
а та, что однажды прожил!

Август, 1997
Мёнхенгладбах

* * *

Мы всё разделяли на ясные вещи:
"плюс – минус". Рубили от шляп до штиблет.
Легко отлетало словечко "помещик"
от слов – монументов: "герой", иль "поэт".

А жили они по-тогдашнему времени
средь русских полей и лесов широко:
зимой – в Петербурге, а летом – деревне
среди небогатых своих мужиков.

Кому – покровитель, кому – как татарин, -
событие для деревенской глуши:
"Наш барин приехал! Приехал наш барин!"
Шапчонки – долой. Хоть – реви, хоть – пляши.

Со станции тройка лихая подкатит,
пригнёт до земли беспросветную голь,
румяная девка (как водится) скатерть
протянет кокетливо: "Хлеб, вам, да соль!"

Вот, он поначалу осмотрит поместье,
доходов – расходов баланс подобьёт,
не в меру ли вор управляющий - бестия,
и в меру ль мужик-крепостной его пьёт.

Каков урожай на полях и на грядках,
что с ягодой ноне, и много ль грибков,
содержаться ль борзые стаи в порядке,
и сколько в угодьях лисиц и волков.

Заедет к соседям (коль нету разлада),
к себе пригласит непременно на бал.
Расскажет все сплетни столичного града,
а то и – Парижа, коль там побывал.

Потом (или утро потянет погожее,
иль просто от встреч и застолий устав)
с соседом – заядлым охотником тоже –
пойдёт пострелять дупелей. Красота:

бродить целый день по родным перелескам,
душой надышаться – не только лишь ртом,
чтоб волнами стали чуть слышные всплески,
приливами хлынули слов. Чтоб потом,

любуясь сентябрьских лесов позолотой,
плеснуть на огни технотронных веков:
"Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши – живётся легко".

Август, 1997
Мёнхенгладбах

* * *

Прогресс.

Раз некто вычитал из пресс,
Что наступающий прогресс
Творит такие чудеса,
Что в Лондон лёту - три часа.
Прогресс проник в весь белый свет.
Жаль - у бедняги денег нет.
И, как в былые времена,
Дорога в Лондон всё ж длинна.

Сентябрь, 1997
Мёнхенгладбах

* * *

Лестница жизни.

Начав с нуля, с большим трудом
Свой первый хлеб принёс он в дом.
Когда ж к колбаске потянулся,
Обжора в нём уже проснулся.
Сидит: богат, беспечен вроде,
Коньяк, с икоркой бутербродик,
Лишь видит - дальше, к сожаленью,
Нет новых лакомств для стремленья.
Тот вкус, что первый хлебец дал,
Нигде он больше не встречал.

Сентябрь, 1997
Мёнхенгладбах

* * *

Стоят (мыслишки теребя),
толкаясь, надрывая глотки...
Ах, сколько тем! А у тебя
нет мощностей для обработки.

Сентябрь, 1997
Мёнхенгладбах

* * *

Минуло Рождество. Теперь в России - праздник.
И возрождённый звон несут колокола...
По случаю того меня румын поздравил,
немного погодя, поздравил и поляк.

Румын - интеллигент. Дворянской крови запах.
Тоскует день-деньской сознаньем удручён,
что выбрал для себя профессию - не сахар:
строителем он стал, а не зубным врачом.

Поляк - наоборот: идёт по жизни шустро,
без комплексных морок освоив фатерланд.
Не знает почему бывает людям грустно,
и говорит, что он нисколько не поляк.

И я - из той страны, где балом правил Сталин,
что сорок с лишним лет соединяла нас.
Я из кусков одних, обломков и окалины,
что сам себе уже мешаю как балласт.

Февраль, 1998.
Дюссельдорф.

* * *

Становится невыносимо -
хоть за бесплатно, хоть за тыщи -
глядеть белые и синие
чертёжики и чертежищи.

Мусолить разные проекты,
считать до красноты в глазах.
Понять, что дока - архитектор
хотел на планах показать.

И бюрократии машина,
и: "я - начальник, ты - дурак",
и вездесущий как нейтрино:
"Бардак и в Африке - бардак."

И знаменитый их порядок,
стекло, металлы, краски, лаки...
Но всё ж прекрасные фасады
порой скрывают и клоаки.

Февраль, 1998
Мёнхенгладбах

* * *

И увижу я опять

И увижу я опять
грустные дороги.
И пойду по ним гулять,
позабыв тревоги.

1999

* * *

Будто облако дождик пошлёт
из какой-нибудь маленькой тучи,
будто в небе пройдёт самолёт
на тайгой молчаливо-дремучей.

1999

* * *

Дело было на охоте...

Дело было на охоте.
Вернее, дело началось на охоте.

Был конец сентября,
На замёрзшей земле
Уже лежал снег.
И утром шёл снег:
Мелкий, жёсткий, колючий.

В пять утра мы с приятелем
Поехали на охоту,
На моторных лодках,
На черную утку.

Холод. Тёмная вода реки,
И белые берега с двух сторон,
И колючий, жёсткий снег.

До места добрались за час.
Это был остров на реке.
На острове было большое озеро.
Оно соединялось с рекой
Узким проливом
Шириной около метра.

Мы с трудом протащили лодки
Через пролив в озеро и
На малых оборотах
Стали объезжать его.

На правом берегу
Ходил одинокий охотник.
Как он сюда попал?
Лодку мы не видели.
Ночевал что ли тут?
Нет ни костра, ни палатки,
Нет никакого укрытия.
Голый берег, снег на берегу,
Колючий снег в воздухе.

С воды поднялась стая.
Большая стая.
Приятель рванул за ними
И на ходу отдуплился.

2000

Номер один. 03.05.2002.

Сперва просовываем лапку.
Неторопливо, осторожно.
Ах, коготки – пока что спрячем.
Нам коготки пока не можно.

Увидят нас, а мы – котёнок,
Такой красивый и пушистый.

Не личико, а морда зверя.

2002